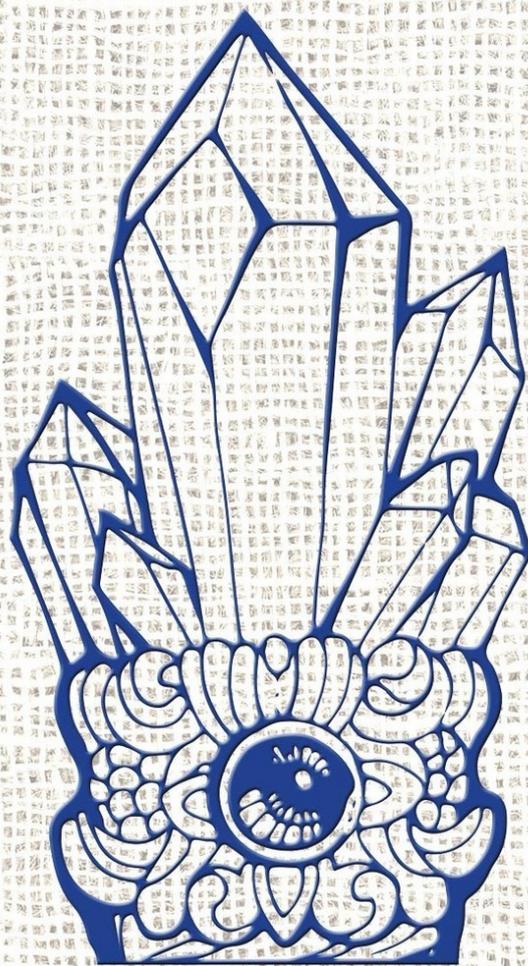

ТЭД УИЛЬЯМС

**СЕРДЦЕ ТОГО,
ЧТО БЫЛО
УТЕРЯНО**

fanzon

Остен Ард

Тэд Уильямс

Сердце того, что было утеряно

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уильямс Т.

Сердце того, что было утеряно / Т. Уильямс — «Эксмо»,
2017 — (Остен Ард)

ISBN 978-5-04-092274-1

Добро пожаловать в Светлый Ард! В преддверии зимы норны, дети Сада, покидают земли смертных северян. В смятении отступают к старинной крепости Наккиге, которую будут защищать во имя королевы под предводительством генерала Суно'ку. Хикедая прожили здесь почти три тысячелетия, но гора – священный Пик Бурь – по-прежнему таит множество секретов, известных лишь Ордену Песни. В наполненной темным колдовством битве на краю мира, в самой неприятной из чужбин, сойдутся люди, кадавры, тени и Белые лисы. Безумие и смерть станет наградой захватчиков.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-092274-1

© Уильямс Т., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Посвящение	6
Благодарности	7
Часть I. Разрушенная крепость	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тэд Уильямс

Сердце того, что было утеряно

© С. Трофимов, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Посвящение

Книги о Светлом Арде невероятно важны для меня и многих читателей, поэтому работа над продолжением первоначальной истории после столь многих лет казалась мне пугающим и даже устрашающим проектом, однако приносила и радость.

Книга *«Сердце того, что было утеряно»* начинает наше путешествие назад, к Светлому Арду и восполняет важный кусок истории, пропущенный в последнем томе «Памяти, Скорби и Терне» – а именно рассказ о норнах после войны Короля Бурь, которая закончилась их поражением.

Честно говоря, я не планировал возвращаться к Светлому Арду (по крайней мере, не в таком большом объеме). И не вернулся бы, не будь всех тех добрых людей, которые годами просили меня об этом: «Вы собираетесь когда-нибудь воскресить цикл Светлого Арда?», «А как насчет тех близнецов и их пророчества при рождении?», «Да ладно! Неужели вы будете говорить, что не задумывались о продолжении?»

И вот, после огромного количества просьб моих читателей, я начал размышлять об этом. Наконец, в моем уме оформилась история, которую хотелось бы рассказать. В результате, с нынешним небольшим томом и несколькими другими на подходе, я возвращаюсь в те страны, которые, казалось бы, оставил позади. Итак.

Эти книги посвящаются читателям, всегда хотевшим узнать больше о Саймоне и Мириамель, Бинабике, ситхах и норнах; читателям, интересующимся историей Светлого Арда до эпохи, описанной в ранних книгах цикла, и после «более-менее счастливого окончания» первой трилогии. Ваша любовь к персонажам и к этому краю стала неожиданностью для меня. Я уступил и рад, что последовал вашим советам. Спасибо всем за доброту и поддержку. В свою очередь, я постараюсь порадовать вас новыми книгами.

Добро пожаловать в Светлый Ард! Для тех, кто впервые оказался в этой стране, я перефразирую слова одного из наших героев – Саймона Снежная Прядь. Приветствуя союзника в конце первой трилогии, он сказал:

– Идите за мной и присоединяйтесь к нам. Вы найдете мир, полный друзей. И многих из них вы пока не знаете!

Благодарности

Возвращение в страну Светлого Арда после многих лет разлуки, а также новые исследования ее знакомых или совершенно неизведанных частей казались мне поначалу сложной и временами пугающей задачей. Вряд ли я справился бы с ней без помощи других людей.

Особенно мне содействовала моя жена и партнер *Дебора Бил*, по воле которой случается все доброе и хорошее. Спасибо, Де!

Мои издатели, *Шейла Гилберт* и *Бетси Уолхейм*, также достойны наивысших похвал за их заботу и стремление сделать эту книгу моим лучшим возвращением в Светлый Ард. Она стала возможной и благодаря стараниям *Джоша Старра* из DAW. Спасибо, Бетси и Шейла! Спасибо, Джош!

Редактор *Мэрил Кейнс-Платт*, хотя и заставляла меня страдать, неизменно улучшала каждую мою книгу, над которой она работала. Этот том – не исключение. Спасибо, Мэрил!

Мой великолепный литературный агент *Мэтт Биалер* наделил наш проект своей личной магией, за что я ему безмерно благодарен. Спасибо, Мэтт!

Лиза Твайт – моя надежная опора. Она помогает мне в различных делах и уже долгое время ведет веб-страницу. Спасибо, Лиза!

Я глубоко благодарен *Рону Хайду* и *Илве фон Лохнейсен*, проделавшим титаническую работу по проверке исторических фактов и поиску бесценных источников для Светлой Ардианы. Их фанатичная любовь к книгам первой трилогии заставила меня почувствовать, будто я своим творчеством сделал что-то полезное. Одно это уже находится за гранью благодарности, а они дали мне нечто большее. Спасибо, Рон и Илва!

И конечно, я хочу поблагодарить за поддержку тех многих людей, которые посещают вебсайт tadwilliams.com – особенно *Еву Мэдербахер*, сделавшую очень полезные замечания по первому наброску «Сердца». Других людей, прочитавших начало новой трилогии в рукописи, я отблагодарю поименно в книге «Корона из ведьминого дерева». Пока же хочу просто сказать: «Спасибо, друзья! Мне кажется, ни один автор не имел таких прекрасных и благосклонных читателей, как вы!»

Тэд Уильямс
октябрь 2016 года

Часть I. Разрушенная крепость

Сначала, в круговерти снегопада, он подумал, что солдат, с трудом шагавший перед ним по заледеневшей грязи Фростмаршской дороги, был ранен в шею, что плечи мужчины забрызгало кровью. Однако, направив лошадь к ковылявшей фигуре, он увидел, что красные пятна имели правильную форму и создавали образ волн. Порто остановился рядом с хромавшим солдатом.

– Где ты взял этот шарф? – спросил он.

Худощавый солдат посмотрел на всадника и покачал головой. Он был на несколько лет моложе Порто.

– Я задал тебе вопрос. Где ты взял его?

– Шарф связала моя мать. Отвали.

Порто с довольной улыбкой откинулся назад в седле.

– Ты точно из Гавани, или твоя мать была подслеповатой, когда выбирала этот узор?

Во взгляде молодого солдата угадывалась смесь смущения и раздражения. Он догадывался, что его оскорбляли, но не был уверен в предположении.

– Что ты знаешь о нашей спортивной символике?

– Похоже, больше твоего, потому что я из «Скал», и мы веками били вас на городских играх в мяч.

– Ты «шоро»? «Гейзер»?

– А ты «налим», самый глупый на свете! Как тебя зовут?

Пеший солдат, воинственно прищурившись, осмотрел Порто с ног до головы. Обитатели двух портовых районов – *setros*, как их называли в Анзис Пелиппе, самом большом городе Пердруина, – являлись давними соперниками, и даже здесь, за сотни лиг к северу от берегов их острова, не возникало сомнений, что первым желанием молодого солдата было броситься в драку.

– Сначала скажи свое.

Мужчина на лошади засмеялся:

– Порто из бухты Шоро. Владелец лошади и большей части этих доспехов. Как насчет тебя?

– Я Эндри. Сын пекаря.

Наконец, и словно нехотя, юноша улыбнулся. К своим годам ему удалось сохранить почти все зубы. Это делало его моложе. Фактически парень походил на тех мальчишек, которые, крича и размахивая руками, радостно бежали рядом с лошадью Порто, когда он месяцы назад проезжал через города и поселения Наббана.

– Клянусь любовью Узириса! Ну ты и дылда!

Эндри еще раз осмотрел его с головы до пят.

– Мой лорд, что ты делаешь в такой дали от дома?

– Я не лорд, а простой человек – достаточно удачливый, чтобы стать всадником. Послушай, если ты и дальше будешь идти так медленно, то замерзнешь до смерти. Что случилось с твоей ногой?

Молодой солдат пожал плечами.

– На нее наступила лошадь. Не твоя. Во всяком случае, я не думаю, что она была твоей.

– Конечно, не моя. Я запомнил бы тебя по шарфу портовой команды.

– Хотел бы я иметь другой. Даже носил бы дурацкий синий из Шоро. У вас они толще. Здесь так ужасно холодно, что я, наверное, скоро умру. Мы уже в Риммергарде?

– Пересекли границу два дня назад. Тут все живут, как горные тролли: строят дома из снега и ничего не едят, кроме сосновых игл. Забирайся в седло.

- Что?
- Садись ко мне за спину. Первый раз помогаю «налиму», но в таком жалком состоянии ты не доберешься даже до приграничного форта. Хватай мою руку, и я подтащу тебя к седлу. Когда Эндри устроился за его спиной, Порто дал ему хлебнуть из питьевого рога.
- Кстати, это было ужасно.
- Что было ужасно?
- Последняя игра с вами на день Святого Танато. После нее все «налимы» плакали на улицах, как женщины.
- Лжец! Никто из нас не плакал!
- Возможно, но только потому, что вы слишком устали, умоляя нас о пощаде.
- Знаешь, что мой отец говорил в таких случаях? Иди во дворец за правосудием, иди в церковь за прощением и иди в «Скалы», если хочешь увидеть лжецов и воров.
- Порто рассмеялся:
- Для хныкающего портовика твой отец был мудрым человеком.

* * *

«Это правдивая история, если только слова могут быть истинными. Если же не могут, то тогда они просто слова.»

В недавнем прошлом, во времена шестнадцатого верховного церемониймейстера королевы, в эпоху Войн возвращения, хикедая, Облачные дети, были побеждены в битве за Асу'а коалицией смертных и зида'я – наших собратьев-предателей. Инелуки, Король Бурь, вернулся в чертоги смерти, и его планы были разрушены. Наша великая королева Утук'ку выжила, но погрузилась в кета-джи'индра – целительный сон, почти такой же глубокий, как вечная погибель. Некоторые наши люди уверовали, что конец всех историй приблизился; что сама Великая песня подошла к концу, и вселенная сделала вдох длиной в следующую эру.

После поражения в Асу'а немалая часть наших воинов, сражавшихся за королеву, ушла из южных стран и направилась домой на север, опасаясь мести смертных, которые, не довольствуясь победой, решили разрушить наш дом внутри горы и уничтожить последних Облачных детей.

Это был момент, когда наш народ стоял на грани истребления. Это также был момент невероятного изыщества и мужества за гранью самых благородных обязательств, которые мы брали на себя. И как всегда бывает в Песне народа, те мгновения величайшей красоты благоухали разрушением и горькими потерями.

Все это относится ко многим воинам из ордена Жертв и других славных орденов, сопровождавших Короля Бурь на вражеских землях. Инелуки пал. Война закончилась. Наш дом был далеко. Смертные едва не наступали на пятки: паразиты с самых грязных улиц их городов; наемники и безумцы, которые забирали жизни, не как мы – с сожалением, а ради нескрываемой и жестокой радости убийства».

- Леди Миджа сейт-Джинната из Ордена летописцев.

* * *

– Я надеялся, ты сгущал краски, – произнес герцог Изгримнур. – Это хуже, чем мне представлялось.

- Вся деревня! – ответил Слудиг. – Зачем? В этом же нет смысла!

Молодой воин нахмурился и осенил себя знаком Святого древа. Как и сам герцог, во время только что закончившейся войны он видел ужасные вещи, которые невозможно было забыть. Теперь еще одна дюжина тел лежала перед десятинным амбаром, распластавшись в

хаосе грязи и окровавленного снега – в основном старики и женщины – рядом с изрубленными трупами нескольких овец.

– Старухи... дети, – сокрушался Слудиг. – Даже животные.

У ног Изgrimнура скорчилось тело ребенка, наполовину погребенное в снегу. Синесерые пальцы все еще тянулись к чему-то родному – рука, словно втоптанная в землю цветок. Как ужасно, наверное, было для жителей деревни проснуться ночью и оказаться в окружении норнов со смертельно-бледными лицами и бездушными глазами; среди жутких существ из старых страшных сказок. Герцог Изgrimнур мог только покачать головой. Его руки дрожали. Одно дело – видеть смертоносный вихрь битвы; погибших и умиравших людей. Но его солдаты имели, по крайней мере, мечи и топоры. Они могли нанести ответный удар. Зрелище убитых крестьян было чем-то другим. Оно вызывало боль и тошноту в кишках герцога.

Он повернулся к Аямину. Женщина-ситха стояла чуть в стороне от людей герцога и осматривала путаницу следов от ног и копыт. Те уже начинали исчезать под свежим покровом белого снега. Она спокойно оценивала мерзкую работу норнских сородичей, отличавшихся от ситхов только цветом кожи. Рельефные изгибы золотистого лица женщины и длинные узкие глаза не выдавали никаких эмоций.

– Ну? – спросил Изgrimнур. – Как вам такое зрелище? Для меня это ничем не обоснованное убийство. Ваши соплеменники – чудовища!

Осмотр Аямину продолжался еще какое-то время. Похоже, взбитый снег и окровавленные трупы оставили ее равнодушной.

– Хикедая крали еду, – ответила она. – Сомневаюсь, что они стали бы кого-то убивать, если бы их не обнаружили.

– И что? – едва сдерживая гнев, вмешался Слудиг. – Вы оправдываете мародеров, потому что они ваши сородичи? Меня не волнует, как их называют: норны, «Белые лисы» или хики... как вы там говорили. Называйте их любыми словами, но они – чудовища! Посмотри на этих несчастных фермеров! Война закончилась, но ваши бессмертные злобные фейри по-прежнему убивают невинных людей!

Аямину покачала головой:

– Мои соплеменники не бессмертны. Они лишь долгожители. Вы сами видели в недавних сражениях, что мой народ и наши сородичи хикедая и могут умирать от полученных ран. В минувший год они тысячами погибали под ударами смертных – в том числе и от ваших рук.

Она повернулась к Слудигу, продемонстрировав ему бесстрастное лицо.

– Вам нужны мои извинения за это убийство? Их не будет. Если же хикедая и решили ограбить мирное поселение, они, очевидно, обезумели от голода. Как и мой народ, норны могут довольствоваться малым. Однако север долгое время страдал от морозов, вызванных Королем Бурь.

– Эта бесконечная зима терзает и риммеров, но мы же не вырезаем целые деревни!

Аямину бросила колючий взгляд на молодого воина.

– Вы говорите о риммерах, которые лишь несколько веков назад пришли с запада и убили тысячи моих соплеменников? Только в этом году вы предали смерти великое множество эрнстирийских соседей!

– Проклятье! – вздрогнув, крикнул Слудиг. – Это были не мы! Это другие риммеры под началом Скали из Кальдскрика. Он, между прочим, заклятый враг герцога!

Изgrimнур похлопал ладонью по руке Слудига.

– Успокойся, парень. Этот спор не имеет конца.

Хотя в данное мгновение, с кишками, завязанными в узел от вида мертвых фермеров – его бывших подданных, которых Бог вверил ему для защиты – Изgrimнур не мог смотреть на женщину-ситху по-доброму. Если бы не золотистый цвет ее кожи, она ничем не отличалась бы от норнов, трупно-белых существ, чья смертельная жатва оставила следы вокруг него.

– Леди Аямину, помните о том, что наши воспоминания не такие долгие, как ваши, – сказал Изгримнур, стараясь говорить ровным голосом. – Это же касается и наших жизней. Я позволил вам сопровождать мое войско из уважения к вашему лорду Джирики, другу нашего короля и королевы. Прошу вас, не устраивайте ссоры с моими людьми.

Фактически лишь долгие уговоры недавно коронованных Саймона и Мириамель убедили Изгримнура разрешить этой женщине примкнуть к его свите. Он по-прежнему сомневался, что принял верное решение.

Герцог взглянул вниз с холма на Фростмаршскую дорогу, где нестройные ряды его армии, растянувшись на пол-лиги, ожидали дальнейших указаний. Большей частью это были риммеры, хотя среди них имелось и несколько сотен солдат из других народностей, пропустивших главные сражения в Эрчестере, но нанятых для укрепления опустевших фортов вдоль северных границ между землями, находившимися под опекой верховного короля, и побежденными норнами. Если какие-то отряды Белых лис попытаются безвредно проскользнуть через границу, они вскоре заплатят за свою ошибку.

– Финнбоджи был из этой деревни, – проворчал Бриндур, брат тана из Скогги.

Он и сам являлся важным таном – массивный мощный воин, с косматой бородой. Уцелев в последней битве при Хейхолте, воин оставил на поле боя одно ухо и большое количество крови. Шлем Бриндура, натянутый поверх бинтов, сидел немного криво.

– Да, Ваша светлость, я видел, как он умер за воротами замка. Великан оторвал ему голову, а затем перебросил ее через стену Хейхолта.

– Достаточно! Об этой деревне тоже хватит говорить!

Изгримнур сердито взмахнул рукой, демонстрируя отвращение.

– Храни меня Бог! Я даже вместе с запахом крови чувствую вонь грязных норнов! Как будто они были здесь мгновение назад!

– Вряд ли ваше чутье... – начала фразу Аямину, но замолчала при раздраженном жесте герцога.

– Когда битва закончилась, нам следовало окружить всех Белых лис, – прорычал Изгримнур. – Надо было снести головы у пленников и убежавших, как это сделал Крексис при падении Харша.

Он посмотрел на женщину-ситху:

– Скажите, обезглавливание действует на фейри так же хорошо, как и на обычных людей? Не так ли?

Аямину бросила на него быстрый взгляд, но ничего не ответила. Изгримнур отвернулся от нее и с хрустом зашагал через сугробы – назад, к ожидавшим солдатам.

* * *

– Ваша светлость, всадник приближается. У него знамя ярла Вигри!

Изгримнур, нахмурившись, перевел взгляд с карты на курьера.

– Почему ты так кричишь, солдат? Я не вижу в этом ничего странного.

Молодой риммер покраснел, хотя на его кирпично-красных щеках румянец был едва заметен.

– Потому что он приближается не от восточной развилки дорог, не от Элвритсхолла, а с западной стороны.

– Не может быть! – с изумлением вскричал Слудиг.

– Ты имеешь в виду со стороны Наарведа? – спросил герцог. – Что за чушь!

Он встал, задев животом импровизированный стол. Камни, изображавшие армейские части, подпрыгнули на карте и закачались.

– Почему Вигри оказался в Наарведе, когда ему было приказано защищать Элвритсхолл?

Вигри считался одним из самых могущественных риммерских лордов после Изгримнура. Он и его отец, управлявший городом ранее, являлись лучшими помощниками герцога. Было невозможно поверить, что ярл – так эрлов называли на севере – нарушил данную им клятву верности. Изгримнур покачал головой и начал натягивать облицованные мехом рукавицы.

– Хвала Рансомеру, моя Гутрун сейчас находится в безопасности вместе с нашими друзьями на юге. Неужели все люди в этом краю посходили с ума?

Он вышел из шатра. Слудиг тут же поспешил за герцогом. Женщина-ситха последовала за ними – тихая, как тень, скользившая по земле.

Посыльный и его лошадь были окутаны султанами пара, созданными их морозным дыханием. За ними виднелся огромный Диммерскогский лес, тянувшийся вдоль восточной стороны дороги: укрытая снегом зелень и деревья, похожие на молчаливых стражей, замерших на своих постах, – ряды за рядами, уходившие вдаль и исчезающие в белом тумане.

– Какие новости ты привез мне, парень? – спросил герцог. – Тебя послал Вигри? Почему он не в Элвритсхолле? Почему не защищает город?

Спешившийся всадник попытался преклонить колено, но он так замерз и обледенел, что с трудом держался на ногах.

– Вот, Ваша светлость, – сказал он, протягивая сложенный пергамент. – Я просто курьер. Обо всех важных событиях вы узнаете из письма ярла.

Ознакомившись с текстом, Изгримнур нахмурился и затем махнул рукой свите:

– Дайте этому солдату горячей еды и крепкой выпивки. Слудиг, Бриндур, Флоки. Мы должны кое-что обсудить. В моем шатре.

Оказавшись внутри, встревоженные мужчины обступили герцога. Аямину тоже вошла, но она, как всегда, выбрала для себя затемненное место и осталась там, внимательная и неподвижная.

– Вигри пишет, что Белые лисы вот уже месяц возвращаются на север через наши земли, – заговорил Изгримнур. – В основном это небольшие разрозненные группы, держащиеся вдали от наших городов и деревень. Впрочем, один из отрядов оказался настолько большим и хорошо вооруженным, с таким внушительным количеством всадников, что его уже было невозможно игнорировать. Он передвигается очень медленно. Вигри пишет, норны везут к Пику Бурь тело великого норнского лидера – возможно, саму королеву.

– Тело? – прервала его Аямину со своего места у входа в шатер. – Возможно, это и так, но оно не принадлежит королеве. Утук'ку Серебряная Маска не погибла. Она находится в ужасном состоянии, однако, будь она мертва, мы бы знали об ее кончине. Хотя дух королевы участвовал в атаке на Асу'а – на город, который вы называете Хейхолтом – ее телесная форма не покидала Наккигу. Она по-прежнему там! Внутри огромной горы!

Изгримнур нахмурился.

– Значит, это какой-то другой аристократ из Белых лис, чье тело они везут в свою столицу. Не важно. Вигри пишет, что отряд норнов действовал как небольшая армия. Они грабили и уничтожали жителей наших земель. Узнав об огромном ущербе, нанесенном ими у границ Элвритсхолла, Вигри вывел против них почти все наше городское ополчение – несколько тысяч опытных воинов. Враг сражался свирепо, но люди Вигри рассеяли норнов по дикой местности. Хотя мой тан и обратил их в бегство, он решил не дать им уйти.

Герцог снова взглянул на письмо.

– Вигри пишет, милосердный Эйдон даровал удачу. Наши ополченцы загнали сотни уцелевших Белых лис в полуразрушенный норнский форт на самой окраине их страны – на перевале Скогги.

– Это их старый Замок Спутанных Корней, – прокомментировала Аямину. – Другого там и быть не может.

– Вигри оставил большую часть солдат для защиты Элвритсхолла, – продолжил Изгримнур. – Он пишет, у него слишком мало людей для осады крепости на открытой местности. Мой тан боится, что норны снова убегут. Он просит нас поспешить на помощь.

– Замок можно взять штурмом, – сказала Аямину, – но проходы под ним невероятно глубоки и обширны. Хикедая будут удерживать их долгое время.

– Если только мы не выжжем проклятых норнов как крыс, – ответил ей Флоки. – Огнем и черным железом!

Широкое лицо юноши показывало, как сильно эта идея его веселила.

– Пусть трупokoжие прячутся там до судного дня, – произнес Бриндур. – Наши люди и без того сражались долгое время. Многие солдаты находятся вдали от Риммерсгарда больше года, а их соратники теперь лежат в Эркинланде и в чужих южных странах. К чему нам эти несколько сотен беглецов? Их сила сломлена.

– Сила норнов не сломлена, пока жива их королева-убийца.

Слудиг не имел важного титула, но определенно набирал репутационный вес: он еще до войны был одним из наиболее доверенных хускарлов герцога, а в сражениях против Короля Бурь совершал великие подвиги, достойные народных сказаний.

– Что, если в этих развалинах, вдали от их родных земель, загнаны в ловушку последние уцелевшие генералы и аристократы норнов? Я думаю, тан Бриндур, Флоки прав. Это наш шанс растоптать белокожих как змеенышей, найденных под камнями.

– Я не могу описать ненависть к этим чудовищам, – произнес он, отмеривая каждое слово. – За то, что они сделали с моим сыном Изорном, я готов убить каждого из этих чудовищ – всех мужчин, детей и женщин.

Изгримнур угрюмо покачал головой, словно та была слишком тяжелой ношей для его могучих плеч.

– Бриндур сказал правду. Наши воины устали. Я не хотел бы видеть, как множество добрых людей будут снова умирать, сражаясь с фейри.

– Если мы не атакуем их сегодня, они вскоре сами нападут на нас, – сказал Слудиг, похлопав ладонью по одному из топоров на его поясе.

Молодой риммер принял смерть Изорна почти с такой же болью, как сам Изгримнур. Сейчас в его крови бурлила ненависть к норнам.

– Мой лорд, когда они окрепнут и вновь придут опустошать наши земли, мы точно пожалеем, что некогда из-за усталости не уничтожили их раз и навсегда.

Изгримнур вздохнул.

– Ладно, дайте мне подумать. Встанем здесь лагерем – по крайней мере, на ночь. Пока оставьте меня одного.

Когда его люди покинули шатер, Аямину задержалась у выхода. Ее глаза сияли, будто золотые монеты.

– Вы желаете, чтобы я составила вам компанию, герцог Изгримнур?

Он насмешливо фыркнул:

– Вы хотите и дальше наблюдать за мной и подслушивать мои разговоры. Я согласился на ваше присутствие в моей свите только из-за просьб наших новых правителей – короля Саймона и королевы Мириамель. Я не обещал им, что позволю вам навязывать свое общество и давать мне советы.

– Лично меня это не удивляет. Раса Элврита всегда была упрямой и свирепой. Возможно, дни Фингила Красной Руки не так далеко ушли в прошлое, как вам того хотелось бы.

– Возможно, вы правы, – мрачно ответил Изгримнур.

* * *

«Огромный гроб с телом нашего великого воина – верховного маршала Экисуно – замедлял отступление одного из самых крупных отрядов Народа. После поражения на юге многие уцелевшие хикедая разрозненными группами пытались вернуться в Наккигу. Они присоединялись к большому отряду, и нарастающая численность воинов еще больше мешала их продвижению.

Герцог Изгримнур из Элвритсхолла – лидер северных смертных, – собрав армию, отправился в погоню за этим отрядом. К тому времени один из самых сильных союзников герцога, ярл Вигри из Энгидала, напал на хикедая и безжалостно опустошил их ряды. Зажатые между двумя жестокими вражескими армиями, Облачные дети, большей частью состоявшие из Каменщиков, нескольких дюжин Жертв и представителей других орденов, были вынуждены укрыться в брошенном Замке Спутанных Корней. В тот момент казалось, что единственным выходом из возникшей ситуации могла быть только их неизбежная, но благородная смерть».

– Леди Миджа сейт-Джинната из Ордена Летописцев.

* * *

В то время, как от крыши и верхних этажей давно не осталось следов, большой зал под *Огу Минурато* – Замком Спутанных Корней – был самой сохранившейся частью полуразрушенной крепости. Древний пол очистили от упавших плит и камней, и теперь в центре зала стояла огромная погребальная повозка, чьи колеса не уступали по высоте даже росту самого Вийеки. Такие размеры объяснялись тем, что громадный саркофаг Экисуно, сделанный из ведьминого дерева, оказался слишком тяжелым для обычных телег. Поэтому младшие церемониймейстеры, молившиеся вокруг гроба, казались детьми, одетыми в сутаны.

Вийеки был расстроен, увидев, как быстро цивилизация хикедая распадалась за пределами священных стен Наккиги. Минуло лишь несколько смертных веков, и природный мир поглотил почти все, кроме Огу Минурато, вгрызаясь в древние стены крепости и заменяя их собственной субстанцией. Сейчас на уцелевших ярусах, где некогда упражнялись Жертвы королевы, каменные полы были скрыты под толстым слоем корней. Это служило напоминанием, что великий мир жил в том же торопливом темпе, как и смертные люди, а Вийеки и остальные хикедая были вечно не к месту.

«Мир существует сам по себе», – констатировал он. Прежде всего, Облачные дети оказались изгнанными из величественного и утраченного Сада. Они не могли ожидать, что какое-то другое место будет так же хорошо им соответствовать.

– Мы слишком много думаем о прошлом, – словно возражая Вийеки, сказал кто-то за его спиной.

Пойманный врасплох, Вийеки повернулся и увидел мастера Яарика, наблюдавшего за действиями церемониймейстеров. Вийеки уважительно поклонился.

– Все молитвы королеве, все восхваления ее клану Хамакха, – произнес он ритуальное приветствие. – Прошу простить меня, верховный магистр. Я не понял, о чем вы говорили.

– Любовь к прошлому мешает нам жить, – ответил Яарик, – по крайней мере, в нынешней ситуации.

Для стороннего свидетеля он и Вийеки могли бы выглядеть как братья. Кожа верховного магистра, возглавлявшего Ордена Каменщиков, была гладкой; утонченные черты лица говорили о благородных предках; и только едва различимая дрожь рук и голоса выдавали его возраст. Яарик считался одним из самых старых хикедая. Он родился еще до легендарного Разъединения – времени, когда их народ отделился от сородичей-зидаев, которых смертные называли ситхами.

– Магистр, разве можно думать о прошлом слишком много? – спросил Вийеки. – Прошлое – это Сад. Прошлое – наследие, ради которого многие из нас сражались и умирали в многочисленных битвах.

Ярик слегка нахмурился. Его волосы, ниспадая вниз, свисали по обеим сторонам лица, как изящные белые завесы.

– Да, конечно, прошлое определяет нашу суть. Однако простота твоего ответа разочаровала меня.

Он щелкнул длинными пальцами, демонстрируя этим жестом, что испытывает нечто среднее между раздражением и нежностью.

– Я пристыжен, лорд, – тихо произнес Вийеки.

– Ты самый умный из моих старших помощников. Я мог бы и не упоминать об этом. Просто мне хотелось сказать, Вийеки-*тза*, что мы снова и снова испытываем муки из-за нашей собственной самоуверенности.

При таком настроении нежные слова мастера часто казались Вийеки унижительными. Он безмолвно выжидал.

– Помнишь, чему тебя обучали, когда ты долгое время назад вступил в Орден Каменщиков? Тебе говорили, что, обнаружив в камне трещину, нужно не только определить ее угрозы, но и понять, как сформировалась трещина. Что произойдет, если ты оставишь ее в покое, и как на это ответит камень. Тебя учили использовать трещины для создания гармонии и красоты – ведь если бы их не было в порядке вещей, жизнь стала бы неизмеримо беднее.

Вийеки кивнул, по-прежнему не понимая, как это связано с самоуверенностью.

– Прошу вас, мастер, помогите мне исследовать «трещину» в нашем отношении к прошлому.

– Этот ответ мне нравится больше.

Ярик кивнул.

– Спроси сначала, сколько веков мы планировали поход против смертных? Ответ такой: почти восемь Великих лет! Пять столетий, по меркам наших врагов, прошло с тех пор, как северяне отняли Асу'а у нашего народа. В тот скорбный день под натиском врагов пали оба светоча: Асу'а и король зида'я, Инелуки. Тогда же была сожжена драгоценная роща ведьминых деревьев. Когда новости пришли в наш город, над домами поднялись траурные знамена, и вся Наккига укуталась в белое.

– Я помню это, мастер.

– Люди сходили с ума от горя, – продолжил магистр. – Они кричали: «Отныне никогда мы не допустим таких утрат!» Теперь мы снова потерпели поражение.

– К сожалению, не все можно было предвидеть.

Ярик печально покачал головой.

– Я не виню наших Жертв, многие из которых отдали жизни, проявив невероятную доблесть. Конечно, я никогда не буду осуждать Мать Народа, потому что любая критика королевы означает сомнение в самой священной из истин. Нет, я критикую не план битвы со смертными, а нашу самонадеянность. Сейчас в этом зале мы видим идеальный пример подобной гордыни.

Он указал рукой на огромную повозку с саркофагом.

– Я не могу одобрить того, что наша армия, вступая в битву, даже под руководством выдающегося полководца Экисуно везла с собой такие сомнительные и отягощающие вещи, как гроб для верховного маршала. Если бы мы выиграли сражение, то, будь Экисуно жив или мертв, я не оспаривал бы подобных знаков тщеславия. Поскольку после поражения мы вынуждены теперь перевозить огромный саркофаг, у меня возникает вопрос: зачем нам это было надо? Как ты, наверное, заметил, мы определенно замедлились, поднимая в горы труп великого воина в его чудовищно тяжелом гробу.

В тишине разрушенного и некогда величественного зала единственными звуками – помимо шепота церемониймейстеров, повторявших посмертные молитвы – были тоскливые причитания ветра над сломанными зубьями крепостного вала. Вийеки не понимал, почему его наставник говорил подобные слова – особенно о такой важной персоне, как покойный Экисуно. Это могло бы показаться сардонической шуткой, но в общении с верховным магистром ордена никогда не стоило полагаться на поверхностные допущения, потому что мудрость Ярика была глубока, как сокровенные расщелины Наккиги. Вийеки оставалось лишь кивать головой и надеяться, что он тем самым не нарушал законов общества.

– Я рад, что ты соглашаешься со мной, Вийеки-мза, – сказал Ярик. – Вот и командир Хайяно с его приближенными. Он, без сомнения, хочет обсудить, как нам лучше отдать жизни, защищая бездыханное тело верховного маршала Экисуно.

Теперь Вийеки знал, что его наставник говорил в язвительной манере, хотя по-прежнему не понимал причин насмешливого тона. Экисуно являлся не только верховным маршалом королевской армии, но и потомком великого Экименисо – покойного мужа их королевы. Если что-то и требовалось защищать от нечестивых смертных, то в первую очередь тело Экисуно.

Хайяно подошел к ним и проворно сделал несколько соответствующих жестов приветствия. Будучи одним из наименее эффективных клановых командиров в Ордене Жертв, он ничем не проявил себя в битве при Асу'а и, возможно, поэтому уцелел в жестоком сражении. Тем не менее по ходу службы Хайяно научился выглядеть важной персоной, занятой множеством дел.

– Верховный магистр, сколько у нас ваших Каменщиков? – спросил он, поравнявшись с ними. – Нам необходимы все их инженерные умения, чтобы защитить эту крепость.

Ярик хранил молчание – достаточно долгое, чтобы напомнить Хайяно о субординации. Клановый командир уступал по рангу не только самому магистру, но даже старшему помощнику Вийеки. Когда Ярик увидел, что Хайяно понял свою ошибку и что на его лице появился безошибочный румянец смущения, он подождал еще мгновение и затем ответил:

– У нас достаточно Каменщиков, чтобы на время сделать крепость неприступной. Они не обеспечат нам должной защиты при долгой и серьезной осаде.

– Мне говорили, что здесь много туннелей, магистр! – с плохо скрытым удивлением сказал Хайяно. – Поэтому форт и назвали Замком Спутанных Корней! Смертные не смогут выбить нас оттуда. Мы убьем по десять врагов за каждого, кого потеряем.

– Командир, я знаю, почему замок получил такое название.

Слова Ярика были сухими, как пыль.

– Если у нас не будет другого выбора, то, конечно, каждый воин может продать свою жизнь по десятикратной цене. Даже если уничтожить по двадцать врагов за каждого нашего убитого, мы не продержимся долго и не сможем оказать помощь тем, кто ожидает нас в Наккиге. Разве не защита города является нашим величайшим долгом?

Хайяно вытянулся и расправил плечи. Пусть он и не был одним из лучших офицеров королевы, но все равно являлся важной и знатной персоной, с которой Вийеки не посмел бы ссориться. Слова о долге вернули командиру уверенность.

– Лорд Ярик, я и мои люди принадлежим Ордену Жертв, – произнес Хайяно. – Наши посмертные песни уже исполнены. Что бы ни произошло, мы сделаем все, чтобы королева гордилась нами.

– Не сомневаюсь. Если только королева выживет... то есть мы все будем молиться, чтобы так оно и было.

Вийеки заметил, что слова магистра шокировали командира Жертв.

– Пусть Сад сохранит ее от любого вреда! – выпалил он. – Конечно, она выживет!

– О чем мы и взываем в наших молитвах.

Ярик сделал ритуальный жест, означавший «Пусть королева живет вечно».

– Тем временем перед нами стоят две большие задачи.

– Защитить тело Экисуно, самого благородного генерала королевы, – тут же отозвался Хайяно.

Ярик небрежно кивнул:

– Да, конечно. Как и жизни уцелевших слуг королевы. В нашем распоряжении чуть больше сотни моих Каменщиков, около трех дюжин ваших Жертв и два-три десятка представителей других орденов, многие из которых окажутся в реальной битве почти бесполезными.

– Вы же не ожидаете, что церемониймейстеры будут сражаться бок о бок с Жертвами?

Хайяно смущенно посмотрел на погребальных жрецов, собравшихся вокруг гроба Экисуно.

– В любом случае они должны выполнять работу.

– У нас небольшой выбор. Либо мы как крысы умрем в тоннелях, либо церемониймейстеры в паузах между молитвами будут бросать камни и размахивать мечами. Я думаю, они предпочтут сражаться.

Ярик сохранял бесстрастный вид, но Вийеки, знавший магистра достаточно хорошо, уже различал отголоски гнева.

– Как высочайшее по рангу должностное лицо внутри этой крепости я ожидаю подчинения моим приказам!

– Вне всяких сомнений, верховный магистр, – быстро ответил Хайяно, хотя выражение его лица предполагало, что он с трудом удерживался от спора.

Вийеки подумал – командир выглядел слишком бесхитростным. Это было какое-то чудо, что, несмотря на высокое рождение, он дослужился до среднего ранга.

– Отлично. Тогда я прошу вас вместе со своими солдатами провести инспекцию позиций и разработать план лучшей защиты этих развалин. Мы же направим наших Каменщиков на укрепление уязвимых мест. Вам известно, чем сейчас заняты смертные, начавшие осаду крепости?

– В данный момент почти ничем, – ответил Хайяно. – Похоже, они думают, что Огу Минурато в любом случае окажется в их руках, и им нужно лишь дожидаться нашей капитуляции.

– Они не так уж и ошибаются, – сказал Ярик. – У нас мало пищи, а колодец завален камнями. Это первая задача, которой займутся мои Каменщики. Ступайте, клановый командир Хайяно. Мы встретимся вновь, когда на небе появится Первый фонарь.

– Слушаюсь, лорд магистр.

Хайяно скрестил руки на груди в жесте благодарности и повернулся к воинам. Когда он ушел, Ярик покачал головой.

– Я рад, что примкнувшими к нам певчими командует Тзайин-Кха, – произнес старый мастер. – Она, по крайней мере, умна и дважды думает, прежде чем что-то сказать. Чем сейчас занимаются люди из Ордена Песни?

Вийеки не нравились певчие. Как и большинство представителей других орденов, он не доверял чародеям и чувствовал глубокий ужас в присутствии их великого мастера Ахенаби, лорда Песни – самой могущественной персоны в Наккиге, не считая королевы Утук'ку.

– Тзайин-Кха сказала, что направила слуг в расположение врага. Скрываясь за ложными ликами, они будут насаждать беспокойство в умах смертных.

– Хорошо. Я рад слышать, что они заняты делом.

На миг Вийеки показалось, что он увидел тень усталости на бесстрастном лице наставника.

– Мастер, позвольте мне взять руководство над нашими Каменщиками, – сказал он. – Я позабочусь об очистке колодца от камней.

Ярик кивнул:

– Да, можешь приступить к работе, Вийеки-тза. Сейчас нам нужно укрепить оборону крепости.

Его помощник поклонился.

– Все будет сделано еще до того, как Фонарь появится на горизонте.

* * *

– Если тебе не хочется служить в армии и проводить жизнь в казармах и тавернах, то что ты тогда здесь делаешь, маленький «налим»? В самой холодной стране на краю земли?

Они ехали на лошади Порто, и старший мужчина все время подшучивал над Эндри. Два дня назад, выслушав приказ северного тана, управлявшего наемниками, молодой солдат побледнел и едва не упал в обморок. С тех пор его мысли вновь и вновь вращались в одном и том же мрачном вихре.

– Почему ты не остался дома? Помогал бы своему отцу и делал печенья с зернышками.

– Я хотел посмотреть мир.

Порто засмеялся:

– Это тебе удалось! Ну, и какие впечатления?

– Ужасные.

Юноша с трудом подавил дрожь в голосе.

– Честно говоря, тут другая история, Порто, – слишком обычная и глупая, чтобы рассказывать. Причиной была девушка.

– Ага! Пока ее живот разрастался все больше и больше, ты вдруг почувствовал жажду приключений.

– Нет!

Впрочем, могло показаться, что молодой человек почти обрадовался подобной идее.

– Все было не так. Она выбрала другого парня. Не захотела выходить замуж за сына пекаря. Не захотела, чтобы ее холеные ручки стали воспаленными и красными, потому что ей пришлось бы каждый день месить тесто. Я не мог... Не хотел больше видеть ее. Семья этой девушки жила напротив нас – прямо через улицу. Устав от ревности, я отправился за лордом Хэлави в Эркинленд – на битву при Хейхолте.

– Где лорда Хэлави съели грязные гоблины, если я правильно помню.

Эндри поморщился.

– Сам я этого не видел, но слышал о его гибели.

Он освятил себя знаком Древа:

– Пусть Бог даст ему вечный покой. Он был хорошим человеком.

– Мне говорили об этом.

– Пусть Бог хранит нас от зла. – Эндри снова повторил знак Древа. Порто последовал его примеру.

– И все это ради того, чтобы не смотреть на девушку, которая отвергла тебя?

– Я не знал, что окажусь в таких условиях. Клянусь!

Через миг его лицо посветлело.

– Как насчет тебя, Порто? У тебя кто-нибудь остался дома? Может быть, какая-то девушка?

Его спутник кивнул:

– Моя жена Сида, пусть Эйдон благословит ее и даст всемерную поддержку, и наш маленький сын, который был тогда крошкой. Бог знает, когда я увижу их вновь.

– Ты их обязательно увидишь.

Когда его настроение менялось в лучшую сторону, Эндри мог быть веселым и самоуверенным. Часто он вел себя, как ребенок, напоминая Порто его младшего брата Андора, умершего около десяти лет назад. Воспоминание о нем до сих пор вызывало боль в его груди.

– Мы выберемся отсюда, – сказал юноша, словно Порто тревожился об этом. – Вот увидишь!

Его утешения подействовали.

– Я верю тебе, – с улыбкой ответил Порто.

Однако он знал, что серое небо и густые безмолвные леса снова втянут его земляка в унылое беспокойство – причем очень быстро.

– Эй, а ты знаешь какие-нибудь песни?

Эндри засмеялся:

– Конечно! Взять, к примеру, «Галантных людей из Гавани». Я помню все слова и особенно ту часть, где под «налима» подложили пьяного соседа.

– При этом я сажу в седле впереди тебя! Мне ведь даже не увернуться в случае опасности!

Порто закатил глаза.

– Ладно, начинай, неблагодарный мерзавец. Заставь меня пожалеть о моей доброте.

* * *

Песня Эндри закончилась несколько часов назад, а затем между ними завязался долгий разговор, но пока они ехали между мрачными и будто погруженными в раздумья холмами, стало ощутимо холодать, и постепенно молчание окутало их, как туман над древней дорогой.

Приблизившись к началу перевала, они увидели руины крепости – темный хаос удлиненных форм, гнездившихся вблизи покрытой снегом вершины. Пока они час за часом подъезжали к развалинам, с обеих сторон поднимались стены прохода. Отвесные склоны становились все выше и выше, накрывая ряды солдат туманом и погружая их в глубокую тень, Порто чувствовал, что древнее строение насильственно притягивало его к себе и что оно походило на огромную мельницу, чьи каменные жернова обещали перемолоть их армию в мелкий порошок.

– Я не понимаю, – внезапно сказал Эндри, напугав Порто и оборвав вязкие чары молчания.

Юноша осенил себя знаком Древа – возможно, двенадцатый раз за последний час.

– Милосердная Элисия! Почему мы должны идти к этой жуткой крепости? Посмотри на нее! Зачем герцог Изгримнур привел нас сюда? Он же говорил, мы будем охранять какой-то приграничный форт.

– Хватит ныть, южанин, – с усмешкой произнес молодой риммер, ехавший рядом с ними. – Ты позоришь всех нас.

Толстый, как бык, всадник имел щетинистую рыжую бороду, закрывавшую большую часть его широкого лица. На щите риммера был нарисован красный орел, по которому Порто опознал Флоки – сына грозного тана Бриндура.

– Это и есть приграничный форт, – продолжил Флоки. – Так уж вышло, что он вражеский. Вот и все.

– Какое умное и своевременное замечание, – ответил Порто. – Мой друг прав. Нас наняли не для этого. Мы должны были охранять форт на Риммерсгардской дороге.

– За ежедневное питание и шесть медяков в месяц, – подчеркнул Эндри.

– Мне обещали одну серебряную и четыре медные монеты, – добавил Порто. – Потому что у меня имеется лошадь.

– И лично мне не говорили, что я буду сражаться с норнами!

Порто почувствовал дрожь товарища, сидевшего за его спиной. Он понимал, что ее скорее вызвал гнев, чем лютей холод.

– Я хочу вернуться, – сказал Эндри.

– Значит, ты не думал, что будешь сражаться с норнами? – спросил Флоки язвительным тоном.

Его смех был громким и грубым.

– Чем ты хотел заняться в приграничном форте на краю Норнфеллса?

– Я не знал, что нас поведут так далеко, – начал оправдываться Эндри. – Что мы... Что они...

Он запутался и замолчал.

– Не позволяй этому риммеру красть твои надежды, – сказал Порто, хотя и не так уверенно, как ему хотелось бы. – Мы вернемся домой. Вдвоем! Ты и я. По характеру ты похож на парней из нашего района. Мой тесть – богатый человек. Он может дать тебе место в красильной. Вот увидишь, жизнь наладится.

– Я бы такому трусливому солдату дал не работу, а хорошего пинка, – презрительно произнес риммер. – Стонет как девчонка.

– Закрой рот, северянин, – прорычал Порто. – Твой голос начинает действовать мне на нервы.

Сын Бриндура направил к ним свою лошадь, и на мгновение Порто испугался, что ему придется сразиться с отпрыском тана, но, очевидно, Флоки заметил высокий рост и широкие плечи Порто.

– Ты быстро изменишь ко мне отношение, когда Белые лисы насядут на тебя, южная тряпка.

Бородатый юноша вонзил каблуки в ребра лошади.

– Тогда ты начнешь умолять меня, забыв о своем сладком мальчике, – обгоняя их, прокричал он через плечо. – Будешь просить: «Флоки, спаси меня от *вит рефар!*»

– Пусть лучше я потеряю голос, чем дойду до такого позора.

Порто часто произносил эту старую пердруинскую поговорку, но лишь теперь осознал ее смысл.

– Он прав, – сказал Эндри. – Какой из меня солдат?

– Я сражался рядом с сиром Камарисом, когда он вел армию Джошуа Однорукого на Наббан. Знал бы ты, как мне было страшно! Я и сейчас боюсь. В этом нет ничего позорного.

– Порто, позор меня не страшит. Я просто хочу вернуться домой.

* * *

Люди Изгримнура добрались до прохода Скогги и, объединившись с армией, которую Вигри привел из Элвритсхолла, стали лагерем на склонах вокруг разрушенного замка. Несмотря на холод и бесконечное кружение белых снежинок, долгожданная встреча друзей и родственников, бывших в разлуке долгие месяцы, создала среди солдат веселую атмосферу праздника.

Хотя ополчение ярла в два с лишним раза увеличило армию Изгримнура, герцог по-прежнему не чувствовал облегчения. Снова и снова его взгляд скользил по разрушенным стенам на вершине перевала, и он понимал, что оттуда за герцогом следило множество глаз. Он знал Белых лис лучше, чем любой из подчиненных Изгримнура. Даже небольшой отряд норнов мог создать хаос в рядах противостоящей армии, а убить их было так же трудно, как рой рассерженных пчел.

Изгримнур посмотрел на большой бивачный костер Вигри, где невысокий коренастый ярл сидел в окружении пьяных смеющихся танов. Вигри увидел герцога и помахал ему рукой, приглашая присоединиться к ним. Изгримнур ответил жестом, подразумевавшим «скоро буду». Он еще не был готов предаваться безделью.

«Пока след свеж, лучше продолжать охоту, как всегда говорил мой отец». Он взглянул на женщину-ситху, сидевшую напротив него. Она вырезала походную трость из длинной ветви ясеня и казалась такой же невосприимчивой к падавшему снегу, как каменная статуя.

– Сейчас конец ювена, – проворчал он. – Почему же продолжается этот лютый холод? Я думал, после гибели Короля Бурь в нашем мире восстановится прежний порядок.

Аямину пожала плечами.

– Песни Инелуки вызвали множество великих потрясений. Они не скоро угаснут – даже после того, как его влияние закончилось. Кроме того, здесь всегда холодно.

Изгримнур поднес руки ближе к костру.

– Мы загнали в эти руины большой отряд норнов, который напал на Эркинланд, – понизив голос, сказал герцог. – Аямину, если вы отправите сообщение своим людям, они придут сюда? Они помогут нам покончить с врагами раз и навсегда?

Она ответила ему прямым взглядом, который он не мог интерпретировать. Ситхов всегда было трудно понять – их эмоции и даже возраст оставались загадкой для смертных. Изгримнур знал, что соплеменники относились к Аямину с большим уважением. Возможно, она родилась многие века назад, но, сравнивая ее с молодыми ситхскими женщинами – например, с Адиту, сестрой Жирики, – герцог не мог найти явных различий. Разве что ее кожа казалась более тонкой, а движения – менее уверенными. Иногда она выглядела хрупкой и немного беспомощной, как женщина, недавно восстановившаяся от долгой болезни. Однако ее золотистые глаза, такие же ясные, как у его жены Гутрун, всегда свирепо поблескивали, словно у ястреба во время охоты.

– Нет, – наконец ответила ситха. – Как я уже говорила, герцог Изгримнур, мой народ не придет вам на помощь. Недавно зида'я были союзниками судхода'я – смертных людей, – но это не означает того, что мы и дальше будем поступать подобным образом. Мои соплеменники не будут помогать вам в уничтожении наших сородичей.

– Тогда почему вы здесь? Почему проехали весь этот путь? Только для того, чтобы наблюдать за моей армией?

Ситха повернула длинный посох и осмотрела его в свете костра, затем снова приложила к ветви острый кинжал.

– Вы так говорите, будто наблюдение за смертными и понимание их обычаев не имеют своей ценности.

Изгримнур покачал головой. Разговоры с ситхами часто напоминали ему споры с пьяницами или детьми – не потому, что они говорили глупости, а из-за того, что беседа всегда вращалась кругами, пока он не забывал, откуда она началась. Возможно, женщина-ситха говорила правду, и ей действительно хотелось изучать поведение смертных. Герцог не верил ее словам. «Неужели Саймон и Мириамель не понимают, как нам будет трудно и тревожно жить с такими странными существами, как фейри? Я думаю, мы скорее могли бы сдружиться с птицами небесными. Ситхи слишком отличаются от нас. Они вряд ли снизойдут до честных объяснений».

– Прошу, не путайте меня фразами с раздвоенным смыслом, госпожа Аямину, – сказал он учтивым тоном. – Конечно, обучение имеет ценность, но таково и сражение ради собственной обороны.

– Хикеда'я возвращаются к себе домой.

Голос женщины был мягким, как будто она лишь предлагала другой вариант объяснения. Герцог с трудом сдерживал гнев.

– Да, после грабежей и убийств по всему северу. И в Эркинланде тоже! После попытки уничтожить королевства смертных и посадить на верховный трон мертвого владыку.

Неужели она потешалась над ним? Герцог не был уверен.

– Значит, вы будете наказывать их за подобные действия, поступая точно так же, как они? – спросила Аямину. – Кровь за кровь?

Изгримнур покачал головой:

– Саймон и Мириамель, новые король и королева в Хейхолте, приказали мне убедиться, что отступление норнов не приведет к дальнейшему разорению наших земель. Без помощи вашего народа я не смогу принудить норнов к хорошему поведению. Мне придется уничтожить их расу. Я все больше и больше склоняюсь к этому.

– Вы еще удивляетесь, что мой народ не хочет оказывать помощь?

– С тех пор, как меня попросили проводить с вами время, леди Аямину, я больше ничему не удивляюсь.

Несмотря на все усилия, герцог начинал терять контроль.

– Какие бы зверства ни совершали ваши норнские сородичи, вы считаете, они не заслуживают наказания.

– Нет, это неправда. Дело в том, что я знаю их лучше. Хикедая сами омрачают будущее и уже наказывают себя – причем жестче, чем вы можете понять.

– Достаточно!

Изгримнур раздраженно поднялся на ноги.

– Там, откуда я родом, убийцам не позволяют выбирать приговор.

Оставив Аямину вырезать дорожный посох, он направился к большому костру, где ярл Вигри и его хускарлы передавали по кругу кожаный мех. Солнце садилось, и скала за крепостью Белых лис сияла в последних лучах, словно кривой зуб великана.

– Ты пришел, мой лорд! – прокричал Вигри. – Герои этой пирушки приветствуют почетного гостя!

Вигри из Энгидала был человеком маленького роста. О нем даже ходила старая шутка, намекавшая, что на ветвях его семейного дерева сидело несколько троллей. Еще он славился буйной силой. Часто, во время жарких споров за столом в покоях ярла, Вигри, обидевшись на кого-то, поднимал конец больших дубовых козлов и сбрасывал весь ужин на пол обеденного зала, а затем раскидывал гостей по углам, предусмотрительно заложенным соломой. Изгримнур был рад, что Вигри снова находился в его распоряжении. Этот коренастый воин показал себя более стойким и ответственным помощником, чем Бриндур, постоянно менявший точку зрения, или Флоки, сын Бриндура, чей горячий нрав нередко приводил к нелепым ошибкам в сражении.

Вигри и его ополченцы выглядели на удивление пьяными для раннего вечера, но армия герцога только что прибыла. Изгримнур понимал, как трудно было солдатам Вигри дожидаться подкрепления во вражеской стране – особенно в таком зловещем месте, куда риммеры никогда не смели заходить, хотя норны покинули разрушенную крепость полдюжины веков назад. Наверное, Вигри и его люди провели несколько последних дней в молитвах о скорейшем воссоединении с отрядами Изгримнура, при этом слыша и видя злых призраков в каждой тени. Неудивительно, что они теперь так рьяно отмечали исполнение своих надежд и желаний.

– Я должен был позаботиться кое о чем. Мои люди не рады такому повороту событий. Многие из них надеялись к этому времени вернуться в Элвритсхолл.

– Мои люди тоже не в восторге, мой лорд, – ответил Вигри. – Две недели назад они услышали новость об окончании войны, а незадолго до этого им сообщили о смерти Скали Острого Носа. Мы одержали победу, но почему-то все еще воюем.

– Выиграть сражение – это одно, – сказал герцог. – Убедить врагов, что они проиграли, – другое дело.

Вигри усмехнулся:

– Нужно перебить их всех до одного. Вот лучший способ убеждения.

На лице Изгримнура появилась кислая улыбка.

– Убивать норнов не так легко, как кажется. Кстати, сколько их здесь и насколько сильны их позиции?

– Трудно сказать, Ваша светлость. Они как коты – перемещаются из тени в тень. К тому же они так похожи друг на друга, что мы можем насчитать дюжину, а это окажется один солдат, которого видели в разных местах.

– Тогда назови приблизительное количество.

– Возможно, восемьдесят норнов или около того. Может быть, и триста, но мы не видели среди них гигантов.

– За одно лишь это можно благодарить всемилостивого Бога.

Изгримнур посмотрел на костер.

– Как насчет наших сил? Самое интересное, сколько у нас лучников? Я знаю, что Белые лисы хорошо владеют мечами. Поэтому проще убивать их стрелами. Чем больше, тем лучше.

– У меня тут имеется отряд танголдирских пограничников, творящих чудеса с тисовым луком, – ответил Вигри и взмахом руки потребовал, чтобы ему снова передали кожаный мех. – Я поставлю на них все монеты против любого лучника-южанина или даже тритинга.

Герцог кивнул:

– Я прихватил с собой арбалетчиков, которые были со мной в Эркинленде – тех, кто уцелел в последней битве, сохрани их Бог. Арбалетные стрелы пробивают дыры даже в норнской броне из проклятого ведьминового дерева.

Изгримнур наклонился и начал царапать палкой покрытую снегом землю.

– Это не так уж и мало. Я привел роту наемников, набранных для усиления приграничных фортов. В основном там пехотинцы, но имеются и копыеносцы. Многие из них неопытные и не привыкли к условиям севера. Кроме них, у меня имеется рота из Хрингхолта, а также скоггейцы Тонруда – брата Бриндура. Сейчас посчитаю.

Он нахмурился и снова начал выписывать цифры на мерзлой земле. Как много воинов Изгримнур потерял в Эркинленде! При мысли о них он почувствовал глубокую скорбь.

– Объединив наши силы, мы получаем армию в тысячу двести солдат.

Почувствовав себя немного лучше, герцог протянул руку к меху, который снова шел по кругу. После доброго глотка он вытер бороду тыльной стороной ладони, затем сделал второй глоток и одобрительно кивнул людям Вигри, поощряя их к новому витку долгой пьянки.

– Мы сможем доставить сюда осадные орудия?

– Я уже послал за ними в Элвритсхолл. К нам направляются несколько катапульта и железный таран, способный пробивать ворота и стены. Самый мощный из имеющихся.

– Большой Медведь? – с улыбкой спросил герцог. – Я годами не видел это ворчливое чудовище. Сколько же быков понадобится для его перевозки? Он тяжелый, как гора!

– Да, скоро мы его получим. Для применения этого тарана нам понадобится крепкий и большой ствол дерева.

– Я думаю, здесь мы обойдемся без тарана, – сказал Изгримнур. – Крепость почти полностью разрушена. Тут и стены-то целой не найдешь.

– Лучше запастись оружием заранее, чем потом руками разводить, – ответил Вигри. – Особенно это относится к Белым лисам. Они ловкие, как ласки.

Изгримнур кивнул:

– Клянусь всем, что свято, ты прав. Я хочу сразиться с ними. Пусть Бог сделает эту битву стремительной и быстрой. Будь я проклят! Куда подевался мех с элем?

* * *

– Почему так ужасно холодно? – печально спросил Эндри. – Ведь сейчас полагается быть лету.

К его шерстяному шарфу добавились рваные лохмотья, брошенные каким-то солдатом. Они тоже были намотаны на тощую шею Эндри. Порто подумал, что молодой парень из Гавани выглядел как черепаха. «Хотя черепаха лучше защищена». На старой кольчуге Эндри отсутствовало множество звеньев.

– Это север, – отозвался он.

Эндри снова содрогнулся. Он посмотрел на разрушенную крепость и осенил себя знаком Древа.

– Я ведь только хотел заработать несколько медяков.

Порто испытывал жалость к молодому солдату, оказавшемуся так далеко от всего, что было ему знакомо.

– Ты раньше когда-нибудь участвовал в битвах?

– В рядах армии? Нет. Когда я присоединился к принцу и Камарису, мы направились в Эркинленд. Наши отряды появились на поле боя при Хейхолте самыми последними.

– Даже самые последние должны были принять участие в свирепом сражении. Я тоже там был.

Эндри пожал плечами и пристыженно развел руками в стороны.

– Я находился в тылу. Никто не пытался напасть на меня. Пару раз я замахивался мечом на норнов, которые после падения башни пробежали мимо нашего обоза, но так никого и не ударил. Они слишком быстрые. Словно что-то перелетающее из тени в тень. Они как летучие мыши. Та битва была единственной, которую я видел.

– В Хейхолте я убил норна, – сказал Порто, и в тот момент, под темными небесами и под порывами ледяного ветра, его слова прозвучали обыденно и просто. – Точнее, я сражался с ним, когда он умер. Именно тогда упала башня... Ангельская, или как ее называли... Ты был там, когда это случилось? Все вокруг громыхало и полыхало огнем. Небо алело от молний. Казалось, мир перевернулся вверх тормашками.

Он замолчал на мгновение, сомневаясь, что стоит вспоминать те жуткие события.

– Башня упала рядом со мной, – продолжил он нехотя, – с громким стоном и ревом, будто живое существо. Земля подпрыгнула подо мной, и это сотрясение сбило с ног. Снег, грязь и вода поднялись в воздух, словно огромный кит выпустил струю при дыхании. Затем все это стало падать назад на землю. Несколько мгновений я вообще ничего не видел. Вокруг мелькали камни и комья грязи. Внезапно кто-то выпрыгнул из шквала воды и снова сбил меня с ног. Прежде чем я успел осенить себя знаком святого Древа, лезвие клинка рассекло воздух над моей головой, и чья-то рука ухватила за ворот. Кто-то хотел убить меня – это все, что мне было известно. Тогда я вытащил кинжал и начал размахивать им. Мне повезло. Я вонзил его в кого-то, и человек упал на меня. Пока мы сражались, его кровь заливала потоком... не струилась и не капала, Эндри, а хлестала, как струя водопада. Потом мой противник обвис, и я поднялся на ноги. Это был один из Белых лисов, и мой нож глубоко сидел в его животе. На самом деле он умер от того, что у него отсутствовала часть головы.

– О чем ты говоришь?

Глаза Эндри расширились, как у младшего брата Порто, когда перед сном ему рассказывали истории о привидениях.

Порто брезгливо покачал головой. Ему не хотелось вспоминать то окровавленное смертельно-бледное существо – причем так близко от норнских руин на вершине перевала.

– Возможно, в него попал обломок башни. Я не знаю, парень. Что-то срезало шлем вместе с частью головы. Уцелевший глаз был закрыт кровавой пленкой. Не представляю, как он сражался со мной – пусть даже те несколько мгновений. Ни один смертный не устоял бы на ногах, если бы его мозг был вырван из черепа.

– Они что, не умирают? – с ужасом спросил Эндри.

Порто молча выругал себя за то, что еще больше напугал друга.

– Нет, конечно, они умирают. Мой противник был уже мертв, когда навалился на меня. Клянусь любовью Эйдона, парень, большая часть его крови уже вытекла к тому моменту. Белые лисы – отличные бойцы. Они сильные и умелые. Называя же их бессмертными, люди имеют в виду только то, что норны живут очень долго. Говорят, эти бледнокожие существа могут существовать веками. Однако, поверь мне, с ядром железа в кишках они умирают, как и все остальные.

Рассказ старшего товарища не приободрил молодого солдата и еще больше укрепил его дурные предчувствия по поводу предстоящего сражения. Порто решил – в будущем ему следует быть аккуратней в выборе тем для историй.

* * *

«Пока Орден Эха посылал призывы по ветрам сновидений, лорд Яарик, магистр Каменщиков, воспользовался чарами Певчих, ведомых Тзайин-Кха, которой в тех финальных битвах предстояло стать одной из наиболее почитаемых мучениц. Ее певчие, переходя на зеркальные маршруты, тайно перемещались среди врагов. Оставаясь незаметными, они сеяли страх в сердцах смертных людей. К сожалению, после гибели Инелуки, Короля Бурь, у них не было сил для чего-то большего. Вызвав смущение в стане противника, они вернулись назад и изложили магистру добытые сведения.

Их донесения не утешили Яарика и его лейтенантов. Хикедая сильно уступали в численности. К тому же Изгримнур из Элвритсхолла привел с собой отряды, закаленные в боях.

Лорд Яарик Киджада и его советники понимали, что, покинув Замок Спутанных Корней – пусть разрушенную, но все-таки крепость, – они будут быстро уничтожены. Многие воины под его началом верили, что единственным благородным выбором была доблестная смерть, и они хотели продать жизни по самой дорогой цене, забирая с собой дюжины смертных. Однако имелись и другие – те, кто намеревался покинуть цитадель в ночное время, когда смертные будут ослеплены темнотой. Они надеялись, что какая-то часть отряда сможет вернуться в Наккигу и организовать надлежащую оборону города.

Однако лорд Яарик знал, что тайный отход из Замка Спутанных Корней и дальнейшее торопливое возвращение в Наккигу будут означать не только позорное бегство, но и более постыдное пренебрежение к телу героя-мученика, верховного маршала Экисуно...»

* * *

Когда Вийеки осматривал уцелевшие помещения древних руин, эхо молитв погребальных жрецов, воспевавших славное путешествие генерала Экисуно в священный Сад, создавало почти домашнюю атмосферу. Там, в Наккиге – в их городе внутри горы – песнопения церемониймейстеров в честь знатных усопших никогда не прекращались. Они звучали в публичных местах и в храмах великомучеников королевской семьи.

Лишь стены главной башни по-прежнему оставались неповрежденными, хотя балки крыши давно обрушились, и потолком теперь служил звездный небосвод. Проходя мимо огромного гроба и круга бормотающих певчих, Вийеки сделал ритуальный поклон. Затем он увидел наставника, стоявшего у стены в позе медитативного размышления. Как всегда, магистр Яарик выглядел, как воплощение спокойствия, но Вийеки служил лорду Каменщиков более трех Великих лет – в плохие и хорошие времена, – и он знал, что его мастер никогда не проявлял равнодушия, каким бы отрешенным ни казался. Вийеки гордился доверием наставника и считал понимание его характера своей тайной обязанностью. «Мы должны уравнивать внешнее и внутреннее поведение, всегда оставаясь самими собой, – часто говорила его мать:

«Думая о правильном порядке вещей, мы сами становимся правильными». Согретый этим воспоминанием, Вийеки сел у ног мастера и начал ждать.

Прошло немало времени, прежде чем Яарик заговорил:

– Я все больше склоняюсь к мысли, что единственной приемлемой тактикой будет прорыв через кольцо черного железа, которым окружили нас смертные. Только не этой ночью, когда они ожидают от нас таких действий. Завтра утром, когда солнце вернется, они атакуют этот холм и стены разрушенной крепости. Мы должны сдержать их любой ценой, а затем, когда темнота вернется, а смертные займутся ранами и будут ожидать того же от нас, покинуть замок и направиться в Наккигу.

Вийеки с удивлением взглянул на мастера, хотя он точно знал, что Яарик не стал бы бежать от сражения.

– Вы не могли бы поделиться соображениями, верховный магистр?

Его наставник раздраженно взмахнул рукой.

– Сам ты подумать не можешь, Вийеки-*мза*?

При мысли о том, что он обманул ожидания мастера даже в столь малом вопросе, Вийеки почувствовал жар румянца.

– Простите меня, мой лорд. Я понимаю, вы верите, что мы могли бы встретить смерть в каком-то другом месте. Я не вижу разницы в том, умрем ли мы здесь, или чуть выше в горах, или даже у внешней стены нашего города. Вряд ли кто-то из нас уцелеет, когда смертные ворвутся в Наккигу, чтобы уничтожить там каждого жителя.

– Я вижу причину твоего смущения, – кивнув головой, ответил Яарик. – Ты размышляешь лишь о пустяках: где наши смерти будут более полезными или приемлемыми. Я же предлагаю тебе иную загадку – точно так же, как ставил инженерные задачи, когда ты был учеником. Что, если нам не обязательно умирать?

– Я не понимаю, магистр.

– Еще слишком рано думать о почетной смерти, старший помощник Вийеки. Достойная смерть является единственным выбором, когда гибели уже нельзя избежать. Даже самые фанатичные Зубья королевы – элитарные воины из Ордена Жертв – признают, что их первым долгом остается самосохранение и выполнение обязанностей. Так долго, пока это возможно! Ты видел огромный железный таран, который привезли смертные? Его доставили на повозке, еще большей, чем саркофаг Экисуно. Мне говорили, его тянули три упряжки быков.

– Да. Он сделан из черного железа и отлит в форме головы разъяренного медведя.

Вийеки нахмурился и добавил:

– По мне, так это глупость. Напоминает детскую игрушку гигантских размеров.

– Ты изменишь свое мнение, когда увидишь, с какой легкостью он будет разрушать внешнюю стену, построенную вокруг нашего сокровенного убежища. Или даже великие ворота Наккиги.

– Такого никогда не случится!

– Почему?

Глаза магистра были ясными. Его лицо порозовело от необычайного воодушевления.

– Что, по-твоему, произойдет после того, как мы умрем, отдав здесь по высокой цене жизни? Сражаясь в безнадежной, но достойной битве?

Вийеки никогда не видел наставника в таком настроении, которое все больше походило на гнев.

– Я расскажу тебе, мой ученик. Расправившись с нами, северяне пройдут перевал и двинутся по землям к внешней стене, которую, по совету Ахенаби и его сторонников, королева – пусть она живет вечно – решила не восстанавливать. Нам потребовалось бы десять тысяч Жертв, чтобы защитить разрушенную стену даже от такой небольшой армии, как эта. Мне

думается, в Наккиге не наберется и десятой доли нужного количества воинов. Ты слышишь мою песню, старший помощник? Ты улавливаешь мелодию?

– Я... Я не уверен.

– Северяне подойдут к самому порогу нашей горы. Мы собрали почти все отряды, разбросанные по югу после поражения в недавних битвах. Наши силы – это фактически последняя боевая единица, которая могла бы встать между Наккигой и мстостью смертных, если бы нам удалось вернуться домой, но, похоже, многие наши соплеменники решили глупо и храбро отдать здесь свои жизни, включая мою и твою. Ты знаешь, кто сейчас стоит у основания холма и смотрит на этот замок? Изгримнур, герцог Элвритсхолла – потомок того самого Фингила Краснорукого, который уничтожил хикедая по всему северу. Того варвара, который разрушил святые стены Асуа и сжег на кострах тысячи пленных, как демонов. Что, по-твоему, случится, когда их огромный медведь из черного железа разобьет врата Наккиги, и дикари Изгримнура ворвутся в город?

Конечно, этого не могло быть. На мгновение Вийеки потерял дар речи.

– Им не удастся ворваться...

– Не удастся? Кто их остановит? Лидеры Ордена Жертв мертвы и гниют в южных долинах. Наша королева находится в кета-джииндра – глубоком и похожем на смерть сне, который сохраняет жизнь и восстанавливает ее здоровье. Так же, как я и любой хикедая, ты почувствовал, как она погрузилась в этот «опасный сон» – «опасный», потому что с тех пор наш народ остался без лидера.

Наставник еще ближе пригнулся к Вийеки.

– Кто будет править в ее отсутствие, старший помощник Вийеки? Орден Песни! Ахенаби, Джиккио и все их бескровное братство. Если врата Наккиги не выдержат, Орден Песни возьмет уцелевших и убежит в глубь горы – в опасные места, куда смертные не смогут последовать за ними.

Ярик покачал головой.

– Вот кем станут наши люди – существами под властью колдунов; рабами, навсегда отрезанными от дневного света; беглецами, которые скрываются в темноте и живут лишь потому, что еще не умерли. Сад, некогда бывший нашим домом, не сохранится в их истории. Если сказания о нем все же будут существовать, Ахенаби и его Орден провозгласят, что хикедая издревле жили в темноте, в каменных пещерах, под управлением мудрого лорда Песни.

Магистр внезапно замолчал, будто понял, какими странными и отчаянными стали его рассуждения. Он быстро осмотрелся по сторонам. К счастью, они по-прежнему были одни – на некотором удалении от молчаливых стражников и еще более безмолвного саркофага.

– Так скажи мне, старший помощник, ты по-прежнему хочешь отдать жизнь, забрав с собой столько врагов, сколько сможешь?

Прежде чем Вийеки открыл рот – не зная даже, что отвечать, – Ярик отмахнулся от него, словно он провалил какое-то испытание.

– Теперь иди, Вийеки-тза, – сказал верховный магистр. – Если твои инженеры закончили очищать колодец, найди другое полезное дело, чтобы занять их работой. Дай мне подумать. Размышления – почти единственное оружие, которое осталось у меня. И запомни мои слова! Наши семьи и кланы ожидают нас дома. Более того, твоя доблестная и почетная смерть может привести к уничтожению всего народа.

* * *

Порто почти не спал. Вокруг всю ночь мелькали странные тени.

С равнины доносились волчьи крики или, возможно, плач детей-призраков. Его беспокоили не столько пугающие звуки, сколько неприятное интуитивное чувство, от которого он не

мог избавиться – что, хотя силы герцога намного превосходили численность врага и их отряды были свежими, а норны голодали и пребывали в полном истощении, они каким-то образом не обладали преимуществом в предстоящем сражении. Лежа под далекими безликими звездами, Порто ощущал себя ужасно неудобно, словно вместе с остальными смертными находился в ярко освещенном пространстве посреди огромной темноты, за которым наблюдало бесчисленное множество невидимых глаз.

Время от времени его взгляд скользил по разрушенным стенам крепости, и иногда Порто видел там мелькавшие огни. Они пугали его своей чужеродностью. Это не был знакомый свет факелов, свечей или масляных ламп. Призрачное мерцание с отвратительными болотно-зелеными и трупно-желтыми оттенками ловило внимание и притягивало его все ближе и ближе, хотя тело Порто не двигалось. В конце концов, он отвернулся от вершины перевала, надеясь найти какой-то покой, но взгляд Порто уперся в Эндри, попавшего в ловушку злых снов. Молодой парень стонал и дергался, дрожа от холода, который не могли сдержать ни шарф, ни капюшон.

* * *

Пришел рассвет, но утреннее солнце ничем не проявило своего присутствия. Когда Порто, Эндри и остальные солдаты разговелись лепешками, испеченными к тому времени полевыми кухнями, туман поднялся почти до вершин окружающих холмов, но затем остановился и повис. Снизу казалось, будто огромное серое облако падало с небес на перевал. Хотя ветер уменьшился, река холодного воздуха все еще стекала с дальних гор, заставляя людей чувствовать тяжесть в костях – причем у южан они болели сильнее, чем у риммеров.

– Мне кажется, я сегодня умру, – сказал Эндри.

– Не говори глупостей. Я тебе не позволю.

Порто ткнул его локтем в бок, но молодой парень принял легкий удар с такой безответной покорностью, с какой раб принимает затрешины.

– Ты хороший друг, Порто. Не понимаю, как тебя угораздило родиться на «Скалах» – вместе с ворами и нищими?

– Я-то тут при чем? Спроси мою мать. Не будь таким напуганным. Нам с тобой даже не придется подниматься к руинам замка. Мы будем защищать ослов и обслуживающий персонал катапульт. Так мне сказал командир.

Прежде чем солнце поднялось над восточной стороной перевала, они расположились на своей позиции. Инженеры и рабочие, которых охраняли Порто и Эндри, готовили осадные орудия к бою. Они уверенно обсуждали план действий: что сначала пробьют ту стену из древнего камня, а затем эту, как будто сражение было для инженеров и рабочих каким-то турниром – спортивным состязанием с призами для победившего отряда.

– Похоже на ожидание перед городской игрой в мяч, – сказал Порто.

– Что?

В печальных глазах Эндри застыл взгляд загнанной лошади.

– Городская игра! Когда ожидаешь ее начало. Тебе знакомо это чувство?

– Я никогда не играл в мяч.

– Такой сильный парень, как ты? Почему?

Эндри пристыженно поморщился.

– Я слишком медленный.

Его лицо немного посветлело.

– А ты?

– Играл ли я в мяч по праздникам? Пару раз или больше, прежде чем пойти в солдаты. Нам, парням с длинными ногами, не нужно много бегать, но знал бы ты, как соперники бьют нас по лодыжкам.

Эндри улыбнулся.

– По крайней мере, у таких дылд, как ты, яйца всегда болтаются высоко в воздухе, и по ним не так просто попасть ногой.

Порто покачал головой, с радостью отмечая, что настроение молодого парня улучшилось.

– Не забывай, что высота яиц – понятие спорное. Если они находятся так высоко, что по ним трудно попасть ногой, ты можешь нанести удар рукой. Клянусь святыми, это одинаково больно.

Где-то поблизости затрубил рог. Звук эхом пронесся по стороне холма, словно громкий крик. Румянец тут же сошел с лица Эндри.

– Что это?

– Сигнал «приготовиться», – ответил Порто. – Не бойся. Мы даже не заметим, как закончится сражение. Все будет хорошо.

* * *

«Всегда страшно ожидать, когда начнется сражение», – подумал Изгримнур, но ситуация ухудшается, когда приходится противостоять такому неизвестному врагу, как норны.

Пока герцог смотрел на перевал и наблюдал за тем, как рассвет раскрашивал небо над древней крепостью, ему вспомнился его первый случай, когда герцог ожидал начала битвы. Это было давным-давно. Очень давно! Неужели прошло столько лет? Его отец Исборн вел отряд ополченцев – жителей горных долин. Им предстояло столкнуться с Фаннгруном, мятежным кузеном короля Йормгруна. Исборн не хотел сражения, но Фаннгрун, решив атаковать короля, направлялся в Элвритсхолл через земли тана в Харгрес Доле. Король ясно дал понять, что если Исборн и его крестьяне не пресекут проход Фаннгруна через их территорию, они тоже будут считаться предателями.

Когда их отряд остановился на холме в ожидании противника – а утро было таким же хмурым и неприятным, как это, – отец Изгримнура заметил плохо скрытый страх на лице сына.

– Знаешь, что является самым худшим в сражении? – спросил Исборн.

– Что, сир?

– Большая надежда на то, что мы выживем.

Изгримнуру тогда исполнилось тринадцать лет. Несмотря на дородную для своего возраста комплекцию, он не знал, что ответить. Его отец не любил шутить и не одобрял черный юмор.

– Ты считаешь, мы выживем? – наконец спросил мальчик.

– Неравенство в численности играет нам на руку. Мы все равно не сможем остановить армию Фаннгруна. Нам нужно лишь показать свои намерения – доказать королю, что мы его люди. Сделать это можно, и не сражаясь с ваггиландцами Фаннгруна. Мы просто будем подгонять их на всем пути через наши земли. Они в несколько раз превосходят нас в численности.

– Я по-прежнему не понимаю. Ты сказал, у нас имеется шанс остаться в живых. Почему это плохо?

Исборн усмехнулся. Его зубы блеснули в седеющей бороде.

– Потому что, если нас убьют, мы попадем прямо на Небеса, не так ли? Выполняя приказ короля и защищая наш дом во имя праведного Бога, мы выступим против неверующих.

Смысл его слов ускользал от понимания юного Изгримнура.

– Наш король Йормгрун тоже неверующий. Как и многие при его дворе.

– Только Бог заботится о солдатах и знает, что с ними делать. Так что, если кто-то пронзит меня копьем, не беспокойся – я полечу к Небесам, как камень, выпущенный из пращи. Враги могут убить только мое тело, сынок. Наши души остаются неподвластными для любого смертного вреда. Уцелев в сражении и пережив сегодняшний день, нам придется ждать еще шестьдесят и более лет, прежде чем сможем встать у великого трона Господа.

Изгримнур всегда считал блефом те набожные слова отца, но его объяснение показывало вещи в новом свете.

«Сейчас я хочу, чтобы так оно и было, – подумал он. – Я хочу, чтобы мы ничего не боялись, кроме собственной смерти». Впрочем, сражение с норнами представлялось ему чем-то иным: думая об их темных бесстрастных глазах и призрачных лицах, герцог чувствовал, что его душе грозила опасность; что имелись силы, которые могли не только удержать людей от вознесения к Небесам, но даже заставить их вечно блуждать в темноте. Судя по всему, Изгримнур не был единственным, кто ощущал беспокойство. Несколько предприимчивых риммерских солдат опустошили купель в брошенной церкви, мимо которой они проходили пару недель назад, направляясь на север. Теперь эти мерзавцы продавали святую воду по отвратительно высоким ценам. Солдаты втирали ее в лица и другие открытые ветру места. Они даже пили воду в надежде как-то защитить себя – причем не от клинков Белых лис, а от самого существования бессмертных.

Утренний свет окреп настолько, что, наконец, добрался до серых камней на вершине башни разрушенного замка – строения, чьи странные шипообразные формы и незнакомые конструкции подтверждали догадку о том, что их создатели не были людьми. Морозный воздух не казался таким колючим, каким мог бы быть. Это создавало благоприятные условия. Сильный холод высасывал бы силы из людей.

Не обращая внимания на стук сердца и кислоту в желудке, Изгримнур осмотрел капитанов и, повернувшись, указал рукой на катапульты.

– Начинайте обстрел! – крикнул он. – Снесите эти стены. Пусть бледнокожие зароятся лицами в грязь!

Изгримнур снова обратился к капитанам:

– Теперь насчет ваших людей. Мы облегчим им подъем на холм – сначала камнями, затем стрелами. Дальше потребуетесь ваша работа. Вырезайте врагов, когда они начнут выползать из руин.

Рука первой катапульты с жужжанием и громким щелчком подпрыгнула вверх. Камень пролетел по дуге и снес край одной из отдельно стоявших стен.

– Приготовьтесь! – крикнул Изгримнур. – Капитаны, держите людей наготове. Скоро мы отомстим за Наглимунд и Хейхолт!

* * *

Кроме нескольких часовых из Ордена Жертв и церемониймейстеров, певших молитвы вокруг гроба Экисуно, остальные уцелевшие хикеда'я, находившиеся в зале, обвитом корнями, были подчиненными Вийеки из Ордена Каменщиков. Несколько десятков проверенных в боях инженеров отдыхали, сидя вдоль стен или перемещаясь, словно тени, по древнему месту, освещенному серым утренним небом – единственной крышей полуразрушенной башни. Все они слышали звуки сражения на холме снаружи крепости, но ничего не делали, ожидая окончания атаки. Если оборона, организованная Орденом Жертв, пала бы под натиском противника – а Вийеки считал такой результат наиболее вероятным, – им пришлось бы спуститься в подземные тоннели, где каждому из них предстояло погибнуть в темноте, оказывая безнадежное сопротивление смертным. Вийеки мог страшиться подобной участи и горевать при мысли о том, что больше никогда не увидит жену и дом, но он был слишком зол. Чем дальше он думал

о сложившейся ситуации, тем больше понимал, что Яарик говорил ему правду. Орден Жертв и певчие Ахенаби проявили глупую самонадеянность, начав войну без плана отступления – без учета любого другого исхода, кроме победы.

Словно догадываясь, о чем думал старший помощник, магистр подозвал его жестом руки. Вийеки направился к нему.

– Да, мастер?

– Давай немного пройдемся. То, что я хочу сказать... и показать... не для других ушей и глаз.

Вийеки последовал за ним в безлюдную часть огромного зала. Сломанные спиральные колонны в каждом углу шестнадцатистороннего помещения подсказывали Вийеки, что башню построили в эпоху правления четвертого или пятого королевских верховных церемониймейстеров. Он заканчивал академию много лет назад и уже не помнил имен этих общественных деятелей. Наверное, Яарик отчитал бы его за такую забывчивость.

Даже в отчаянном и раздраженном состоянии Вийеки не мог не восторгаться тем, что при отступлении из южных стран мастер часто выделял его среди других помощников и общался с ним почти как с равным. Магистр Яарик был не только главой ордена, хотя и этого хватало, чтобы гарантировать ему место среди могил великих соотечественников. Помимо прочего, Яарик принадлежал к клану Киджада – семейству, которое слыло могущественным задолго до того, как хикедая и их сородичи, покинув Сад, приплыли в земли Светлого Арда. Родители Вийеки тоже были хорошо известны – верховный судья и признанная дворцовая художница, но его клан Эндая никогда не играл важной роли – средний благородный дом, чьи отпрыски в основном становились дворцовыми церковниками или офицерами младших рангов в Ордене Жертв.

Однако магистр Яарик всегда ценил Вийеки по уму, а не по наследственной линии, и старший помощник был благодарен ему за это. Вряд ли какой-то другой магистр Каменщиков наделил бы среднерожденного прислужника таким высоким статусом. Яарик же являлся редким исключением среди лидеров Наккиги, и его «нетрадиционность» имела другой смысл, чем у «персон, не достойных доверия».

– Я хочу попросить тебя об услуге, Вийеки-тза, – сказал Яарик, когда они удалились от других людей на достаточное расстояние.

– Все, что угодно, мастер.

Магистр слегка нахмурился.

– Не давай никаких обещаний, пока не узнаешь, о чем пойдет речь. Мало ли, что может случиться в Песне судьбы после данного тобой слова. Помни старую поговорку: «Когда один палец согнулся, другие уже не могут оставаться прямыми».

Вийеки сделал учтивый поклон.

– Примите мои извинения, верховный магистр. Мне следовало сказать: «Говорите, и я сделаю все, что смогу».

– Уже лучше.

Яарик повернулся спиной к залу, скрыв их обоих от посторонних взглядов широкой мантией. Затем он просунул руку за отворот туники и осторожно вытащил какой-то предмет, блестящий в его ладони, словно раскаленный уголь.

– Смотри!

Яарик приподнял руку, по-прежнему удерживая предмет у шеи. То, что лежало на его ладони, не просто отражало бледный свет неба, но излучало собственное оранжевое сияние. Казалось, лицо магистра окрасилось теплым цветом заката. Вийеки, склонившись вперед, прищурил глаза. От красоты предмета захватывало дух.

– Великолепная вещь, – прошептал он с неподдельным восторгом. – Что это, мастер? Наверное, очень необычный предмет. И очень древний.

Яарик кивнул:

– Твои глаза не подвели тебя, старший помощник. Этот предмет действительно пришел к нам из далекого прошлого. Вот, возьми. Почувствуй его вес.

Вийеки принял цепь с качавшейся подвеской и тут же прикрыл ладонями ее сияние, как это делал его наставник. Украшение было на удивление тяжелым, но то, что магистр носил его так долго без жалоб и недовольства, являлось вполне типичным для старого мастера. Толстая цепь выглядела незамысловатой, однако даже в слабом свете Вийеки видел, что ее сделали из странного металла, слишком бледного для меди и слишком розового для золота. Подвеска размером с ладонь имела форму округлого треугольника, заостренного книзу. Она тоже смотрелась бы невыразительной, если бы в ее центре не сиял большой овальный камень величественного красно-оранжевого цвета.

– Что это за артефакт? – спросил, наконец, Вийеки.

– Он зовется «Сердцем Того, Что Было Утеряно», – ответил магистр. – Мой предок Яаро-Мон, покидая древний дом нашего народа в Венга До'тзае, взял его с собой.

– Эта вещь действительно... из Сада?

Вийеки слышал о таких предметах, но, кроме драгоценностей, которые королева Утук'ку носила по праздникам, он не видел ни одного из них и даже не мечтал, что подобная древность окажется в его руках.

– Знаменитая гемма! Ты, конечно же, слышал рассказы о Хамакхо Червеубийце.

Вийеки кивнул. Он не мог представить себе, чтобы кто-то из его народа не знал о Хамакхо – древнем герое и основателе королевского клана.

– Умирая, Хамакхо вонзил свой меч в камень на пороге великого Храма собраний в самом центре Сада, – продолжил магистр. – Когда пришло время садиться на корабли, никто не смог вытащить клинок Хамакхо, поэтому его оставили на пороге храма, как еще одну жертву Нежити, захватившей наше отечество, но мой предок Яаро-Мон вытащил гемму из эфеса меча. Приподними ее! Я покажу тебе кое-что чудесное.

С этими словами Яарик достал из рукава мантии небольшую кристаллическую сферу, называвшуюся «лампой церковника». Быстро щелкнув пальцами, он заставил ее мягко засиять.

– Придвинься ближе. Я не хочу, чтобы яркий свет привлек внимание посторонних глаз. Смотри через гемму на лампу, размещенную позади нее.

Вийеки повернул тяжелую подвеску и посмотрел через нее на светильник. Увидев то, о чем говорил Яарик, он не смог сдержать вздох изумления. Впервые за последнее время Вийеки полностью забыл о неумолимых врагах и о сражении, бушевавшем снаружи.

– Это прекрасно, мастер! Какая искусная резьба!

Внутри геометрической геммы чья-то аккуратная рука изобразила город с высокими и грациозными башнями на высоких, окруженных океаном утесах. К подсветке магической лампы добавлялось собственное сияние геммы, поэтому миниатюрный город, казалось, нежился и грелся под ярко-красными небесами.

– Кто сделал эту чудесную вещь?

– Сам Яаро-Мон. Его резьба изображает великий Тзо – наш любимый город на берегу Дремлющего моря, захваченный Нежитью, когда Сад пал. Как и твоя мать, Вийеки-тза, мой прадед был художником, а путешествие из Сада к этим землям оказалось утомительным и долгим. Вот он и создал некое напоминание о том, что наш народ оставил позади – о том, что делает нас теми, кто мы есть.

Магистр мрачно кивнул, будто отвечая на вопрос, который Вийеки ему не задал.

– Теперь я спрячу реликвию, пока никто из посторонних не заметил ее сияния и не решил навязать нам свое общество.

Яарик забрал тяжелое ожерелье и снова просунул цепь и подвеску под туннику.

– Мастер, я польщен, что вы показали мне этот артефакт.

– Ничто не делается без причины, старший помощник. Я показал его, потому что хочу попросить тебя об одной услуге. Если ты согласишься выполнить ее, я пообещаю тебе кое-что взамен.

Ярик встряхнул мантию, поправляя ее складки. Даже в таких ужасных условиях магистр не забывал следить за одеждой. Несмотря на месяцы лишений и кровавых битв, он выглядел опрятным и спокойным, как будто находился в собственном доме.

– Так вот, старший помощник Вийеки. Если мне суждено погибнуть до того, как мы вернемся в Наккигу – погибнуть здесь или где-то еще, – я хочу, чтобы ты забрал «Сердце Того, Что Было Утеряно» и передал его моей семье. Оно должно принадлежать моим детям и внукам, вернувшимся после нашего поражения на юге. Это самая большая драгоценность клана Киджада. Ты выполнишь мое поручение?

– С гордостью и благодарностью, мастер. Ваше доверие является честью для меня и моей семьи.

– Не проявляй такой энтузиазм, – с улыбкой произнес Ярик. – Если «Сердце» станет грузом твоей ответственности, это будет означать мою смерть.

На лице Вийеки появилась гримаса уныния, но он быстро справился с эмоциями.

– Я сказал, не подумав, мастер. Молю о вашем прощении.

Ярик кисло усмехнулся:

– Прощаю. Теперь мое ответное обещание. Я долго наблюдал за тобой, Вийеки сей-Эндуя. Меня годами впечатляло твое умелое обращение с инструментами и чертежами. Больше всего я восхищался твоей манерой мышления, которая, к сожалению, теперь – в эти дни невзгод – стала очень редким явлением среди нашего народа. Одним словом, мне хотелось бы, чтобы однажды ты заменил меня на посту и стал верховным магистром Ордена Каменщиков. Я уже написал письмо королевским церемониймейстерам, в котором объявил свою волю. Оно будет находиться среди других моих вещей. Если я погибну в пути, верни в Наккигу «Сердце», письмо и принадлежавшие мне личные предметы.

Ошеломленный Вийеки потерял дар речи. Затем вопросы сами посыпались из его уст:

– Неужели это правда, магистр? Вы хотите назначить меня преемником?

Мастер нахмурился.

– Я когда-нибудь обманывал тебя, старший помощник? Подвергал глупым шуткам и дешевым уловкам? Верь моим словам.

Вийеки опустился на колени.

– Я всю жизнь буду стараться заслужить ту честь, которую вы оказали мне.

– Пусть твоя жизнь будет долгой и полезной, Вийеки-тза.

Прежде чем Ярик успел что-то добавить, поблизости послышались грубые и визгливые вопли – триумфальные крики смертных. Собравшиеся в зале Каменщики сбились в плотную толпу и беспокойно зашептались. Повернувшись к дверям, они уже вытаскивали оружие из ножен.

– Похоже, нам пора заканчивать разговор о будущем.

Ярик оперся рукой на плечо Вийеки. На мгновение могло показаться, что старик нуждался в его поддержке.

– Давай присоединимся к нашим воинам и подготовимся к бою. Сейчас нужно жить настоящим временем – сколько бы его ни осталось.

* * *

В последние дни Изгримнур всеми силами старался привнести дисциплину в разнородные отряды Вигри. В отличие от солдат, которых герцог привел с юга, ополченцам-северянам

нравилось сражаться в хаотичном стиле, атакуя и отступая в одиночку или небольшими группами, как им подсказывало настроение.

Даже при огромном численном преимуществе этот вид уличной драки был убогим и неэффективным в противостоянии с умелыми и терпеливыми норнами. Слудиг и другие доверенные лейтенанты герцога пытались обучить людей Вигри зачаткам более организованного боевого стиля Эркингарда, но с началом атаки стало ясно, что их уроки не были приняты. В неумной жажде славы молодой Флоки и дюжина хускарлов его отца не остановились у линии разрушенных стен, где им полагалось дожидаться остальных соратников. Прорвав первую и малочисленную линию врагов, они помчались к башне на вершине холма, в которой предположительно скрывались норнские командиры. Сразу после этого дождь из стрел перекрыл им путь к отступлению.

Нельзя было понять, что случилось с Флоки и его свитой. Изгримнур лишь благодарил Бога за то, что Бриндур находился на другой стороне поля и не видел атаки, предпринятой его сыном. Иначе он взял бы лучших людей и помчался вслед за Флоки, еще больше усугубляя ошибку.

«Так все и происходит. Я не стану говорить Бриндuru о глупом поступке его сына, потому что дальше произойдет нечто худшее. Спаси меня Узирис! Почему ты посылаешь беды чаще, чем благословения?» Конечно, герцог понимал и Флоки, и других солдат. Сам вид бесстрастных трупно-бледных норнских лиц застилал глаза его людей красным туманом. Сейчас от решений Изгримнура зависела судьба тысяч воинов, и его не заботила гибель одного солдата и даже дюжины отважных северян.

«Не важно, – подумал он и взмахом руки направил цепь копьеносцев к вершине холма. – Сожалеть и плакать будем позже. Для горестных мыслей подойдет любое время».

* * *

Весь день солнце тлело сквозь туман – или, по крайней мере, так казалось Порто, который находился на склоне ниже руин. С каждым часом дымка становилась гуще, клубясь под холодным ветром. В какой-то момент она закрыла обзор на долину и даже на древний замок.

Они с Эндри оставались в тылу, охраняя команды катапульта от возможной контратаки. Со стороны холма летели черные стрелы. Иногда, когда туман на мгновение редел, они видели призрачные фигуры норнов. Их можно было бы принять за призраков. Но для Порто это означало одно: Белые лисы по-прежнему удерживали свои позиции на древних стенах.

Люди у катапульта планомерно выпускали камни в огромную башню, стоявшую на вершине холма. Они били по ней снова и снова, однако не могли разрушить ее стены. После полудня туман начал проглатывать солнечный свет, и казалось, что ночь пришла намного раньше заката. Решив сломить вражеское сопротивление до темноты, герцог Изгримнур и его капитаны повели в атаку отряды с осадными лестницами. Солдаты прорывались к центральной башне – к последней уцелевшей части замка. Норны вышли им навстречу, и хотя Порто с Эндри не видели сражения, по звукам было ясно, что битва получилась жуткой и кровавой.

Затем в середине атаки тревожное эхо отразилось от склонов хребта, возвышавшегося над крепостью. Узнав в этих громких звуках звонкие сигналы горнов, возвестившим им утром начало битвы, Порто подумал о дополнительном отряде риммеров, который, преодолев крутые скалы, начал атаковать замок сверху. Его сердце наполнилось надеждой.

Однако рев горнов пришел от разведчиков, патрулировавших территорию за горным перевалом. Северяне, едва заметные на склоне гряды, кричали и махали руками. Прошло лишь несколько мгновений, и радость Порто закончилась тревожным молчанием, когда он с раскрытым ртом прислушивался к нараставшему шуму, приближавшемуся к ним с другой стороны холма.

Туман вскипел, и из его лохмотьев у нижней части перевала вырвалось множество всадников в сверкавшей броне. Они направлялись к крепости. Эти воины в черных и белых доспехах скакали на лошадях и невиданных странных животных.

– Великий Бог! – вскричал Эндри. – Кто они?

– Еще один отряд норнов.

Смущенный этой странной крепостью и условиями битвы, Порто уже испытывал страх, но теперь чувствовал, что все его внутренности оледенели. Приблизившийся отряд норнов казался достаточно большим: он катился по склону холма, сметая и калеча людей, как смертельная волна.

Порто промчался мимо инженеров катапульта и, схватив Эндри за руку, потащил его подальше от больших машин. Риммеры, окружавшие холм, ломали ряды и разбегались в стороны. Многие солдаты пытались присоединиться к отрядам, атаковавшим древнюю башню, но норны настигали их на склоне холма и рубили причудливыми угловатыми клинками. Некоторые из Белых лис скакали на огромных козлах высотой с обычного коня – неестественных существах с желтыми, как сера, глазами. Однако внимание Порто привлек всадник, который, вероятно, был лидером норнов, – фигура с рогатым шлемом и ужасным нечеловеческим лицом. Этот призрачный воин в белой пластинчатой броне мчался к нему на огромном коне.

Сначала, при первых панических взглядах на всадника, сеявшего смерть длинным серебристо-серым мечом, и на тех невезучих людей, которые оказались на его пути, Порто принял рогатую фигуру за демона, окруженного слугами, пришедшими из ада. Когда же он оттащивал Эндри к скалам – подальше от приближавшегося отряда, – лидер норнов промчался мимо них, и тогда Порто понял, что демоническое лицо было шлемом, выкованным в форме свиной головы.

Несколько других всадников, скакавших по склону, пытались убить его молниеносными ударами мечей, однако Порто отражал их выпады, приподнимая щит над головой. Второй рукой он удерживал Эндри за спиной, пока они медленно отступали с пути нападавших норнов. В какой-то момент Порто принял сильный удар по шлему, и хотя это едва не сбilo его с ног, воин устоял, по-прежнему защищаясь щитом от мелькавших мечей. Через миг почти весь отряд Белых лис промчался мимо него, поднимаясь по пологому склону к руинам. Оглянувшись назад, Порто с облегчением увидел, что Эндри был цел и невредим.

К его изумлению, вновь прибывшие норны не стали уделять внимание передовым отрядам Изgrimнура. Они прорвались через их ряды, убив пару дюжин северян и потеряв нескольких своих воинов. Затем они помчались к башне, где их встретили защитники крепости. Град черных стрел помог им оторваться от погони и въехать во внутренний двор замка. Казалось, прошло всего лишь несколько мгновений после того, как Порто увидел их в обрывках тумана, а норнские всадники уже скрылись в башне.

На вершине холма, усеянного телами риммеров, остались только отряды Изgrimнура. С вытянутыми от удивления лицами, люди смотрели на закрытые ворота, вновь опечатавшие древнюю башню.

* * *

Генерал сняла шлем, и ее белокурые косы упали на плечи. Она небрежно отбросила их за спину. Ее длинный подбородок и тонкий нос выдавали принадлежность к одному из самых древних семейств хикедая. Строгое лицо напоминало лик какой-то древней надгробной статуи.

– Кто здесь командует?

– На данный момент эта честь принадлежит мне, генерал Суно'ку. Позвольте представиться. Ярик сей-Киджада, верховный магистр Каменщиков.

Наставник Вийеки сделал выверенный жест приветствия.

– Мы надеялись на вашу помощь, но не ожидали ее. В последнее время нам казалось, что никакого подкрепления не будет. Наши представители Ордена Эха не получили ответа на свои призывы.

– Любой отклик лишь повредил бы нам, – сказала Суно’ку, ответив магистру самым скудным из ритуальных салютов. – Смертных сопровождает одна из зида’ев, и у нее с собой есть Свидетель. Мы не рискнули прервать безмолвие.

Вийеки смотрел на генерала, как на спасительницу, прибывшую, казалось бы, из ниоткуда. Она напоминала ему героев из древних историй о Саде. Конечно, он знал Суно’ку. Ее знали все хикедая. В Ордене Жертв она занимала примерно такую же позицию, как Вийеки в Ордене Каменщиков, являясь старшей помощницей лидера, но линия крови позволяла генералу вращаться в таких высших кругах, о которых Вийеки мог только мечтать.

Пока он зачарованно смотрел на нее, Суно’ку повернулась к одному из своих лейтенантов:

– Позаботься о раненых. Пусть лекари сделают все, чтобы они могли скакать на лошадях.

– А как поступить с тяжелоранеными? – спросил лейтенант.

Она ответила ему спокойным взглядом. Лицо походило на застывший пруд. Затем генерал снова обратилась к Ярику:

– Сколько вас здесь?

– Осталось примерно две сотни, – ответил верховный магистр. – Больше половины из них Каменщики. У нас имеется несколько церемониймейстеров, которых вы видите у гроба маршала. Добавьте к ним полдюжины певчих под управлением Тзайин-Кха и несколько слугителей Эха. Остальные – это Жертвы, и они теперь в вашем распоряжении.

– По рангу вы выше меня, верховный магистр, – сказала генерал. – Я не могу пренебречь священной иерархией королевы.

Вийеки знал, что она говорила не совсем искренне.

Суно’ку принадлежала к клану Ийора – клану совы, связанному с легендарным Экименисо, покойным супругом королевы Утук’ку. Ийора были равны Хамакха, и оба королевских клана возвышались над благородным семейством Ярика, как пик великой горы – над площадями и рынками Наккиги. Первенство кланов всегда превальвировало над иерархией орденов – даже таких могущественных, как Орден Жертв и Орден Песни.

Размышления Вийеки и тихая беседа Суно’ку с Яриком были прерваны прибытием бригадного командира Хейяно. Его воины привели трех связанных пленников. Самый крупный из смертных – мускулистый юноша с рыжей бородой – что-то кричал на своем грубом языке. Как и многие Каменщики, Вийеки не знал ни слова на любом из смертных наречий. Ему казалось, крики волосатого северянина больше походило на рев медведя, чем на речь разумного существа.

Суно’ку изогнула губы.

– Как ненавистен мне их варварский лай! Магистр Ярик, можно я убью этих смертных, чтобы в зале снова воцарилась тишина?

Ярик покачал головой:

– Прошу вас не спешить, генерал. Хейяно привел их по моему требованию. Вы не могли бы расспросить пленников о численности противостоящей нам армии? Признаюсь вам, я не силен в их диалектах.

Вийеки был удивлен словами наставника, поскольку его эрудированный мастер говорил на языках смертных лучше любого жителя Наккиги. Он понял, что магистр по каким-то причинам решил проверить умения генерала.

Суно’ку переводила вопросы Ярика на язык смертных и затем делилась ответами.

– Он говорит, его зовут Флоки. Он сын великого тана Бриндура Золотоволосого. Этот увалень говорит, если бы некоторые из его людей не оказались трусами и не бежали с поля боя, он уже прикрепил бы к седлу наши головы и снова сражался во славу рода.

Однако пленник отказался сообщить им численность армии, находившейся за стенами замка, и он не дал никакой полезной информации. Когда после нескольких повторных вопросов Суно'ку поняла, что ничего не добьется от краснолицего смертного или его туповатых товарищей, она обнажила меч – тонкую дугу из серебристого ведьминоного дерева, выглядывшую немного длиннее для нее. Взгляды смертных будто бы приклеились к клинку. Их глаза расширились от страха.

– Мне кажется, магистр, пришло время использовать более жесткие методы, – сказала беспощадная воительница. – Сегодня мой Холодный корень почти не омылся кровью. Он все еще жаждет испить гноя смертных.

Затем она достала из ножен длинный и острый кинжал, показав два клинка северянам:

– Если же лорд Яарик хочет, чтобы допрос проходил медленно и обстоятельно, я могу использовать Холодный лист, который будет удалять с их тел более мелкие куски.

Генерал пригнулась к стоявшим на коленях пленникам, пока их лица не оказались на расстоянии ладони.

– В любом случае, я растяну это развлечение на долгое время.

Рыжебородый юноша, назвавший себя Флоки, снова начал выкрикивать проклятия. Однако теперь в его голосе чувствовался ужас, которого раньше не было заметно.

– Генерал, ваше славное оружие не научит их тому, что им неизвестно, – огорченным тоном сказал Яарик. – Боюсь, мы узнали от них все, что могли.

Суно'ку нанесла резкий удар ногой, сбив Флоки на пол. Вийеки услышал хруст ломавшихся костей. Бородатый солдат, обхватив голень ладонями, перекатывался с боку на бок и от сильной боли ловил ртом воздух.

– Что бы нового они ни сказали, это не изменит природу нашей проблемы, – мрачно произнесла Суно'ку, убирая оружие в ножны. – У вас здесь около двухсот воинов, магистр. У меня примерно вдвое больше. Я собрала в Накакиге почти всех последних Жертв и с большим трудом нашла для них коней. Впрочем, это не важно. Сейчас мы должны подготовиться к отступлению.

– К отступлению?

Яарик был явно удивлен. Вийеки редко видел его в таком состоянии.

– Как мы это сделаем? Туннели под замком заканчиваются тупиками.

Суно'ку покачала головой:

– Туннели? Нет. Мы вернемся в Наккигу. Если понадобится, пробьем себе путь силой. Неужели вы думаете, я мчалась в такую даль, чтобы умереть в разрушенном форте? У меня есть более важная цель.

Яарик кивнул:

– Я понимаю. Вы приехали за телом маршала Экисуно. Он ваш предок. Ваш прародитель.

Суно'ку снисходительно усмехнулась:

– Нет, верховный магистр. Я приехала за вами и вашими Каменщиками. Потому что без вас Наккига будет разрушена смертными. Наши кланы будут вырезаны в темных норах, как кролики.

Не понимая происходящего, рыжебородый юноша снова начал выкрикивать угрозы. Суно'ку подала знак, и один из Жертв, вытащив меч из ножен, ударил смертного эфесом по голове. Флоки больше не издал ни звука. Он тихо лежал на полу, разбрызгивая кровь и извиваясь в конвульсиях боли.

– Я сама убила бы этого варвара, наслаждаясь его смертью, как хорошим блюдом, – сказала Суно'ку. – У нас мало времени, поэтому давайте продумаем план отхода.

Пока генерал совещалась с магистром Яариком и явно смущенным Хейяно, благоговейно внимавшим Суно'ку, Вийеки с интересом наблюдал за ними, почти забыв об осаде крепости. Конечно, он знал Суно'ку, но никогда прежде не находился так близко к великой воительнице. Генерал была известна храбростью, и хотя в Ордене Жертв имелось несколько других женщин-офицеров высокого ранга, никто из них не пользовался таким авторитетом у простых норнских воинов. Она же вызывала всеобщее восхищение.

Странные бледно-серые глаза генерала походили на сумеречные небеса в сравнении с пурпурной полночью зрачков у большинства хикедэ'ев. Для своего пола она была высокой, хотя и не чрезмерно – например, Яарик и Хейяно превосходили ее по росту. Быстрые движения этой женщины выделялись почти невероятной грациозностью. В движении она напоминала яркое пламя, подумал Вийеки, не спуская с генерала глаз.

– Прорываясь к нам, вы уничтожили только несколько дюжин смертных, – произнес Хейяно. – У них по-прежнему огромный перевес в численности. Конечно, мы можем подождать и утомить их внезапными вылазками. Они вдали от дома и испытывают большие трудности с доставкой припасов.

– А если к ним придет подкрепление, командир? – спросила Суно'ку.

Хейяно заморгал – возможно, даже вздрогнул.

– Пока мы прядемся здесь в развалинах Замка Спутанных Корней, внешняя стена вокруг Наккиги находится в плачевном состоянии, а главный проход к городу и Башня Трех Воронов остаются незащищенными. Разве вы не видели огромный таран из черного железа, который привезли с собой смертные? Где, по-вашему, он будет использоваться? Естественно, не на этих старых развалинах. Он предназначен для ворот Наккиги, для того, чтобы выбить дверь нашего дома! Северяне могут вломиться в покои королевы – пусть Сад хранит ее вечно – еще до окончания лета.

Она покачала головой:

– Нет. Мы должны прорвать кольцо осады и как можно быстрее вернуться на север. Верховный магистр, вы согласны со мной?

Какое-то время Яарик смотрел на нее, выдерживая паузу.

– Да, я согласен с вами. Если нам следует вернуться в Наккигу, пусть это лучше случится раньше, чем позже.

– Отлично.

Суно'ку опустила шлем на сломанную каменную колонну, плавно закругленную веками пролившимися дождями.

– Тогда позовите сюда всех клановых командиров с их отрядами. Оставьте только несколько дюжин часовых. Если во время сегодняшнего сражения какой-то клан потерял командира, назначьте нового, и пусть он выполняет данные ему приказы. Вы поняли, командир Хейяно?

– Генерал, что мы будем делать с телом вашего предка и его гробом? – спросил Яарик.

Он указал на массивную повозку, рядом с которой на коленях стояли поющие церемониймейстеры.

– Как мы будем перемещать этот саркофаг, удерживая дистанцию между собой и смертными?

– Мы оставим гроб здесь, – равнодушно ответила Суно'ку.

Яарик удивленно поднял брови:

– Вы оставите здесь тело вашего прапрапрадеда?

Она покачала головой:

– Нет, но груз будет не таким тяжелым. Тело маршала привяжем к седельной луке, и я сегодня же начну возносить моему предку молитвы горького раскаяния за проявленное бесче-

стие. Сам саркофаг, на мой взгляд, бесполезен. Мы не повезем его с собой. Сломайте гроб и сожгите, чтобы он не попал в грязные лапы смертных.

Вийеки наблюдал за рыжебородым смертным, все еще извивавшимся от боли между двумя другими напуганными пленниками. Эти кровожадные захватчики больше не бравировали. Под волосатой кожей северян скрывались сердца напуганных детей.

Затем к нему пришла забавная мысль, но он дождался окончания разговора между Яариком и Суно'ку, после чего скромно поднял руку в смиренной просьбе.

– Если мой мастер и генерал позволят мне высказать...

Яарик повернулся к нему:

– Да, старший помощник Вийеки?

– Я слышал, вы сказали, нас сопровождает старшая певчая Тзайин-Кха.

– Да, – ответил магистр. – Я недавно виделся с ней. А почему ты спрашиваешь?

– Надеюсь, я никого не обижу, отнимая ваше время, – сказал Вийеки, – но у меня появилась идея.

* * *

В этот вечер уставшие солдаты герцога развели небольшие костры – особенно вблизи разрушенной крепости. Порто и Эндри остались охранять катапульту, которая маячила над ними в мерцающем свете огней, как недремлющий дракон.

– Откуда взялись эти Белые лисы? – возможно, двенадцатый раз спросил Эндри.

Порто устал отвечать на его бесконечные вопросы. Он поворошил палкой угли и протянул руки поближе к огню, едва не обжигая их.

– Неужели они действительно призраки? – не унимался молодой солдат. – Почему ночами они крадутся среди нас, а наши постовые ничего не слышат?

– О, благостный Эйдон! Они норны, а не призраки!

Порто чувствовал себя так, словно внутри него сидел какой-то зверь, желавший вырваться на волю, но, убежав, он разорвал бы мир на куски острыми зубами. Это адское место доводило его до безумия.

– Фейри можно убить, – добавил он. – Разве ты не видел их тела, лежащие в снегу? Разве ты не видел их крови? Такая же красная, как у нас. Когда она вытекает из тел, они умирают.

– Ты же слышал того солдата. Час назад он всадил в норна три стрелы, и это не причинило тому никакого вреда. Белый лис просто исчез. Если он не призрак, то кто?

– Кровью Бога заклинаю тебя, парень, перестань скулить! Норны – ловкие воины. Все, кто был в Хейхолте, знают это. Они могут превращаться в тени и создавать голоса в чужих головах, но тени не представляют собой реальной опасности.

– Все-таки я сомневаюсь...

Эндри был почти бездыханным от страха и не мог успокоиться.

– Откуда они взялись...

Внезапно огонь костра вспыхнул, словно на угли подул сильный ветер, но пламя не согнулось, а поднялось вверх, танцуя над их головами. Все остальные костры тоже превратились в качавшиеся колонны пламени. Напуганные северяне наспех вставали на четвереньки и отползали от огня. Порто, который при появлении плающего столба отклонился назад, теперь сидел на промерзшей земле с раскинутыми в стороны руками и ногами. Ошеломленный Эндри выкатил глаза от ужаса. Некоторые солдаты в изумлении зывали к Богу и к своим матерям. Другие выкрикивали непристойности или вопили, обезумев от страха.

Затем в языках огня перед Порто появилось лицо – оно возникло в каждом костре по всему широко раскинувшемуся лагерю. Огненная маска была покрыта рябью. Ее поверхность изгибалась, словно что-то перемещалось внутри, как сом в глубокой воде. Женское лицо каза-

лось абсолютно нереальным. Вместо глаз и рта виднелись пустые пятна, заполненные пламенем.

– Это королева! – в испуге закричал какой-то солдат. – Королева Белых лис! Она вернулась!

Мужчины отползали от костров и, будто животные, разбежались во всех направлениях.

– Смертные!

Голос шел от каждого костра – от каждого круга мужчин, – холодный, как лед, нарастающий на веревках шатров.

– В этом краю вы найдете свою смерть! А мы вернем себе то, что является нашим.

Порто не мог сказать, где именно звучал пугающий голос – в воздухе над кострами или только в его черепе. Увидев, что Эндри вскочил на ноги с намерением бежать куда глаза глядят, он ухватился за лодыжку молодого парня и повалил его в снежную слякоть. Порто не понимал происходящего, но знал, что если он отпустит Эндри, тот побежит в морозную ночь, как обезумевший зверь, и больше никогда не вернется. Молодой солдат отбивался, словно напуганный ребенок, однако Порто обхватил его обеими руками и прижал к земле. Он удерживал друга даже тогда, когда призрачное видение расплавилось в огне и языки пламени уменьшились до прежних размеров. Еще через мгновение костры зашипели и полностью угасли, погрузив весь лагерь в темноту.

Содрогаясь от ужасного голоса, все еще звучащего в его мыслях, Порто поначалу не сообразил, что слышит новый нарастающий шум. Затем он стал различать крики боли и удивления – короткие и быстро пропадавшие. Порто скорее почувствовал, чем увидел скопление быстро перемещавшихся теней. Оно катилось вниз к лагерю от руин крепости на вершине холма. Люди вокруг него находили внезапную смерть от рук почти невидимых врагов, но Порто не мог отпустить сопротивлявшегося Эндри, чтобы вытащить свой меч из ножен.

– Они здесь! – прошептал он в ухо друга. – Норны здесь, и они пытаются убить всех нас! Будь ты проклят, парень! Вставай и сражайся!

Внезапно Эндри перестал брыкаться, и на миг Порто подумал, что один из невидимых норнов нанес удар мечом и убил юношу прямо в его объятиях. Чуть позже всполох огня на вершине холма озарил лицо напуганного Эндри, который, открыв рот и с гримасой полного недоверия, смотрел на башню замка. Не понимая, откуда исходило алое сияние, Порто повернулся и увидел пламя на краю руин. Огненный столб напоминал ярко-красные колонны над их заколдованными кострами. Он поднимался почти выше деревьев. Сначала горящий объект медленно катился вниз к лагерю по пологому склону холма. Потом, подсакивая на камнях, он – с каждым громким сердцебиением Порто – начал увеличивать скорость. Большие, с человеческий рост, колеса вращались все быстрее и быстрее.

«Это повозка, – мелькнула путаная мысль в его голове. – Гигантская боевая повозка». Догадка была достаточно верной, но не включала в себя главный элемент. Наверху огромной платформы лежал массивный саркофаг. Его крышка была чуть сдвинута, и внутри этого гроба пылала какая-то горячая жидкость, оставлявшая позади повозки огненный хвост и отмечавшая ее ускорявшееся движение на склоне холма. Пока Порто в изумлении смотрел на чудовищный катафалк, из саркофага, отбросив крышку в сторону, поднялась объятая огнем, кричавшая фигура. Ее лицо скрывала маска. Горящие бинты превращали извивающееся существо в пылающий факел, молотивший руками в воздухе, визжавший и издававший самые жуткие нечеловеческие звуки, которые Порто когда-либо слышал в своей жизни. То был непрерывный, свистящий и неартикулированный крик. Люди, оставшиеся на своих местах во время первой атаки воинов-теней, теперь повернулись спиной к крепости и, спотыкаясь в темноте, побежали вниз по склону – подальше от пылавшего и завывавшего трупа в горевшей боевой повозке.

Отряды Изгримнура даже не притворялись, что оказывают сопротивление. Они бежали от огненного призрака, словно думали, что тот может захватить их души, – молодые южане-

рекруты и закаленные в боях риммеры. Многие воины падали на землю под градом черных стрел. Порто с трудом различал в темноте мелькавшие тени. Однако целые группы солдат окружались норнами, после чего безмолвно падали в снег с перерезанными глотками и выпущенными наружу кишками.

Внезапно Порто был оглушен ударом в лицо. В припадке безумия его молодой напарник вырвался из крепких объятий и, шатаясь, побежал вниз по склону. Обезумев от страха, он то и дело падал на землю, полз на четвереньках, а затем снова поднимался на ноги и мчался в ночную темень.

Порто не знал, что делать. Лагерь наводняли воины-тени; дюжины его товарищей были мертвы, остальные – рассеяны. Он слышал, как некоторые из них, убегая в лес, молили Бога о спасении. Все случилось невероятно быстро. Казалось, что мощный порыв ветра сдул их армию со склона холма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.